

8.

**Информационная война,
сетецентрическая война
и кибервойна:
взаимосвязь с ВКО**

Когда источником идентичности становится консенсус, возникший во время обсуждения в кругу случайных «друзей» на страницах социальных сетей, сиюминутное может взять верх над чем-то очень важным¹

Г. Киссинджер

В российском видении военной безопасности важно определить роль, которую мы отводим (если отводим) «большому СНГ»...²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

На развитие ВКО все большее влияние оказывает формирование целого комплекса информационных систем, которые в последние годы превратились не только в важнейший компонент ВКО, но и стремительно превращаются в самостоятельный род вооруженных сил, интегрирующихся в том числе и в ВКО.

Сетецентрическая война (СЦВ) и кибервойна (КВ) — концепции, ставшие реальностью в XXI веке, хотя по этому поводу до сих пор нет общего понимания и согласия среди зарубежных и российских экспертов. По мнению некоторых из них, США уже адаптировали свои вооруженные силы к ведению сетецентрических войн, что требует безусловного доминирования в киберпространстве. Как качественного, так и количественного. По некоторым оценкам, МО США используют более семи миллионов компьютеров, соединенных через 15 тысяч военных сетей, а также через 20 тыс. коммерческих сетей. Отсюда же следует, что военные возможности, прежде всего в области управления, определяются в решающей степени общим состоянием технологической базы и информатики в обществе и государстве.

США создали Киберкомандование (СС — Cyber Command) еще в 2010 году, а в 2013 году приняли план его развития,

¹ Киссинджер Г. Пределы универсализма // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 4. С. 37.

² Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 71.

предусматривающий увеличение численного состава с 900 до 4900 человек и возможное преобразование его в самостоятельное (11-е по счету) командование. Пока что Киберкомандование входит в единое Стратегическое командование наравне со стратегическими ядерными силами, ПРО и космическими войсками. Такая реорганизация исходит из того, что киберпространство было признано таким же полем военных действий, как и сухопутное, морское и воздушное. Кроме того, реорганизация предполагает, что Киберкомандование в еще большей степени будет ориентировано на ведение наступательных операций.

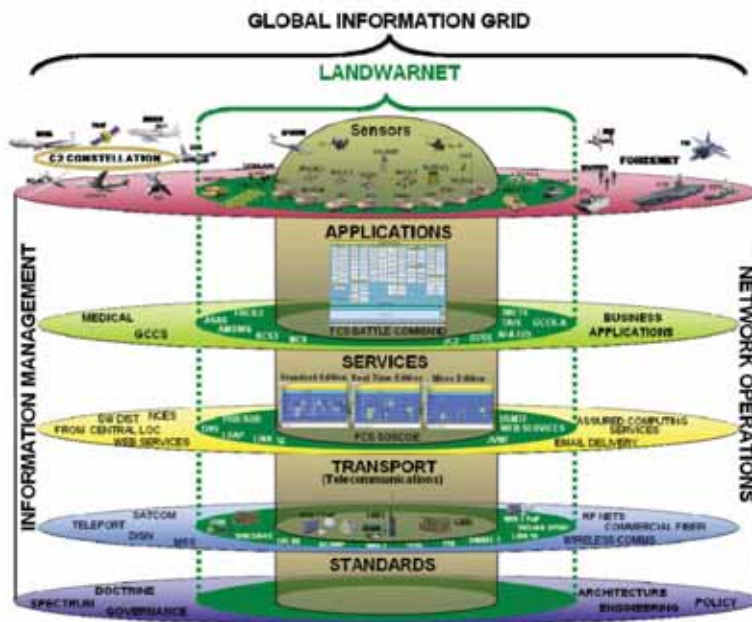
Эти изменения еще раз свидетельствуют о том, что США фактически создали единый наступательно-оборонительно-информационный комплекс, объединяющий — концептуально, административно, оперативно — стратегические силы и средства, планируемые использовать комплексно. При этом специальное подразделение Киберкомандования США — Combat Mission Forces — будет проводить наступательные операции¹.

Но не только. По мере усложнения систем управления растет как вероятность возможной ошибки или технического сбоя, так и их уязвимость от внешнего воздействия. Круг замыкается: эффективность использования военной силы становится во многом производной от военных и гражданских систем обработки и передачи информации, но они же становятся главным объектом вероятного враждебного воздействия. Причем еще до открытой фазы военного конфликта.

Последнее обстоятельство имеет решающее значение для систем ВКО, прежде всего средств раннего оповещения о воздушно-космическом нападении противника. Конечно, СЦВ может вестись на любом уровне — тактическом, оперативном и стратегическом, но очевидно, что именно на стратегическом уровне решаются главные задачи войны.

¹ Черненко Е.
Пентагон прописал
компьютерам
усиленное питание // *Коммерсант*. 2013.
29 января. С. 6.

¹ Буренок В. М.,
Кравченко А. Ю.,
Смирнов С. С.
Будущее за сетечен-
трической системой
вооружений /
Эл. ресурс «Послезав-
тра». 2009. 21 ноября /
<http://poslezavtra.com.ua>

Оставляя «за скобками» рассуждения о технологических особенностях СЦВ и КВ (о которых подробнее можно прочесть в материалах Центра военно-политических исследований на сайте <http://eurasian-defence.ru>), представляется важным рассмотреть взаимосвязь между ВКО Евразии и новыми концепциями информационной борьбы.

Новые стратегические концепции и ВКО

Основной идеей «сетецентрической войны» является интеграции всех сил и средств в едином информационном пространстве...¹

¹ Буренок В. М.,
Кравченко А. Ю.,
Смирнов С. С.
Будущее за сетецен-
трической системой
вооружений /
Эл. ресурс
«Послезавтра». 2009.
21 ноября /
<http://poslezavtra.com.ua>

Сетецентрическая война (СЦВ) — концепция, ориентированная на повышение боевых возможностей перспективных вооружений за счет достижения информационного превосходства и интегрирования участников военных действий в единую сеть посредством создания единого информационно-коммуникационного пространства. Она предполагает, что практически в реальном масштабе времени будет собираться и перерабатываться максимально быстро полная информация, приниматься решения, которые будут доводиться до отдельных участников военных действий. Понятно, что такое развитие военных возможностей непосредственно сказывается на возможностях стратегического использования ВВТ как в наступательных, так и в оборонительных операциях. Так, «ядерное сдерживание» в самой своей основе предполагает адекватную, очень точную и быструю оценку эффективности применения СНВ. Тем более в их неядерном варианте, когда, например, важно точно знать уничтожена ШПУ или нет.

Концепция СЦВ США предполагает четыре основные фазы ведения боевых действий:

1. Достижение информационного превосходства посредством опережающего уничтожения системы разведывательно-информационного обеспечения.
2. Завоевание превосходства в воздушно-космическом пространстве за счет уничтожения систем ВКО противника.

3. Уничтожение средств вооруженной борьбы противника, оставшихся без управления.
4. Окончательное уничтожение оставшихся очагов сопротивления.

Как видно, на всех четырех фазах реализации Концепции СЦВ особый акцент уделяется средствам ВКО потенциального противника. Даже если речь идет о четвертой фазе (уцелевших средствах наступательных и оборонительных ВВТ), Концепция СЦВ предполагает основными мишенями уцелевшие системы СНВ и ВКО.

В этой связи изначально важно сказать, что евразийская интеграция в военно-политической области вообще и в ВКО в частности, становится во втором десятилетии объективной потребностью государств Евразии в силу радикальных изменений происходящих в военных доктринах и военном искусстве государств. Прежде всего речь идет, конечно, о главной области военного искусства — военной стратегии. Но не только. В оперативном искусстве и тактике за последние десятилетия произошли принципиальные перемены, которые требуют от государств радикального пересмотра прежних военных доктрин и критической переоценки всего спектра областей военного искусства. По сути дела сегодня речь идет уже о появлении нового военного искусства, когда прежние оценки, опыт и знания требуют радикального пересмотра, либо даже отказа от прежних взглядов. В первую очередь в области военно-политического управления вооружениями и управления стратегическими наступательными и оборонительными войсками. Достаточно сказать, что в последние годы фактически отпала необходимость в массированном использовании сухопутных войск, когда армии воевавших сторон насчитывали миллионы человек, а численность танков и самолетов измерялась десятками тысяч.

В силу разного рода причин все труднее становится отделить военную безопасность одного государства региона от

Евразийская воздушно-космическая оборона

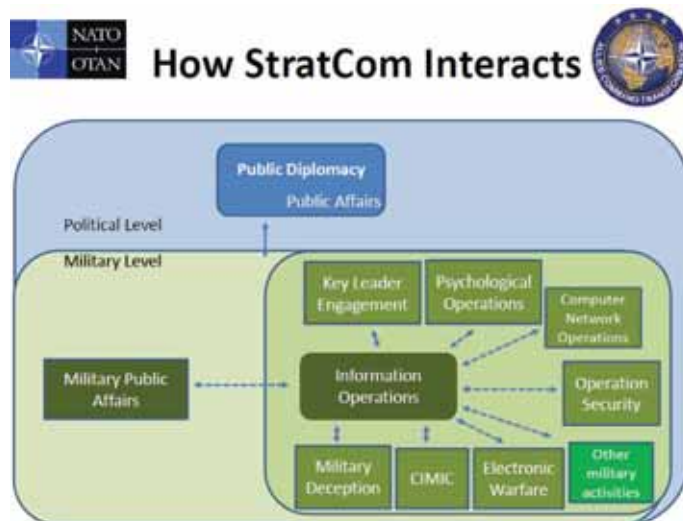
других государств, что неизбежно ведет к региональной военно-политической интеграции. Примером тому являются блоки и военно-политические союзы, прежде всего Североатлантический блок, который стал ярким примером не только военно-политической интеграции, но и фактически стимулировал интеграцию в рамках Евросоюза. В этом смысле ОВД также являлся закономерным примером региональной военно-политической интеграции.

До информационно-коммуникационного этапа военно-технической революции речь шла об объединении усилий государств одного региона (например, Северной Атлантики или Центральной и Восточной Европы). В 90-е годы XX века обозначилась тенденция перехода от объединения управления к единству управления. Кроме того, отчетливо стала просматриваться тенденция выхода за пределы региона зоны ответственности и функций единого управления в блоке, т.е. расширения его пространственного охвата. Так, блок НАТО в короткие сроки превратился из региональной в глобальную организацию, управляемую из единого центра с фактической передачей полномочий.

Информационная война, сетецентрическая война и кибервойна...

Эти изменения затронули прежде всего те виды вооруженных сил, которые зависели от этих двух факторов — стремительного развития информатики и связи, и расширения пространственного охвата до космоса и киберпространства. Речь идет о системах ПВО и ПРО, которые по сути носят глобальный характер. Даже если районы дислокации противоракет ограничены, пространство (воздушно-космическое и информационное) выходит далеко за пределы национальных территорий.

С геополитической точки зрения формирование в Евразии двух центров военной силы — США и Китая — также требует серьезной переоценки военных доктрин и основных положений военного искусства. И не только России и других постсоветских государств, но и западноевропейских стран, чьи военные доктрины интегрированы в военную доктрину НАТО, а по сути США и не оставляют странам Евросоюза возможности для самостоятельного принятия военно-политических решений. Новая геополитическая расстановка военных сил формирует недвусмысленную альтернативу возможному доминированию США и Китая — создание евразийского военного центра силы. Прежде всего в области ВКО региона.

Во втором десятилетии XXI века, таким образом, мы оказались на пороге не только нового этапа военно-технической революции, но и нового этапа в развитии военной науки и военного искусства. А, также, нового этапа евразийской интеграции, потенциально способного привести к созданию нового центра силы и обеспечить региональную безопасность континента. В этом смысле понятие «безопасность» становится такой же ценностью для всей Евразии, как и для стран Евросоюза.

Простой пример. Создание региональных систем ПРО США (с перспективой глобальной ПРО) неизбежно ставят по-новому проблему ВКО не только стран ОДКБ, но и других евразийских государств. Не случайно поэтому на Ашхабадском саммите глав государств в декабре 2012 года речь шла уже не столько об экономических проектах, сколько о создании Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) государств СНГ, для чего был создан специальный координационный комитет, но и назначен его руководитель — бывший командующий ВКО России (а затем заместитель министра) О. Остапенко¹. Это означает, что уникальные свойства суверенитета — возможности ПВО — некоторые государства в Евразии уже готовы делегировать наднациональному органу. В целом же, как уже говорилось, эти решения соответствуют объективным тенденциям развития региональной безопасности, которые отчетливо просматриваются на примере эволюции НАТО.

Очевидно, что на этом государства не остановятся: неизбежно не только расширение ОС ПВО до ОС ПВО–ПРО, но и создание единой системы управления (а значит и делегирование полномочий), разработки общей концепции ВКО, планов военного строительства и т.д. И это тоже будет продолжением объективных тенденций.

За всеми этими проявлениями стоят объективные тенденции, практическая реализация которых приведет либо:

¹ Мухин В.
Противоракетное
содружество // *Независимая газета*.
2012. 7 декабря. С. 1.

1) к созданию единой системы ВКО (и, соответственно, единой военной концепции ВКО, военной доктрины, координации планов военного строительства и т.д.) большинства стран Евразии; либо 2) к появлению не только двух полюсов силы — США и Китая, — но и двух доминирующих военных доктрин, групп интересов и стратегии, которые оставят евразийским (в т.ч. европейским) государствам второстепенную роль исполнителей чужой воли, если страны Евросоюза будут продолжать одностороннюю ориентацию на США.

Эти два центра силы, две стратегии, два государства — США и Китай — будут неизбежно вынуждены договариваться. В конечном счете, за счет других государств.

В данном случае как европейских, так и азиатских — от Франции и России до Вьетнама, Филиппин, Кореи и др.

Кроме традиционных (политических и военных) факторов, влияющих на позицию этих двух доминирующих центров силы, решающее значение будут иметь возможности в информационно-коммуникационной области, реализуемые прежде всего в системах ВКО. Очевидно, что в случае, если удастся объединить ресурсы России, ведущих европейских стран, ряда стран Азии, региональная, евразийская система ВКО, учитывающая современные и будущие концепции СЦВ может быть создана. Это, безусловно, не только обеспечит безопасность этих стран, но и сохранит их суверенитет. В том числе и по отношению к использованию против них инструментов «мягкой силы» и угроз воздушно-космического нападения.

Вот почему анализ современных информационно-управленческих концепций имеет не только военное, но и военно-политическое значение. Их измерение выходит далеко за пределы собственно военной политики.

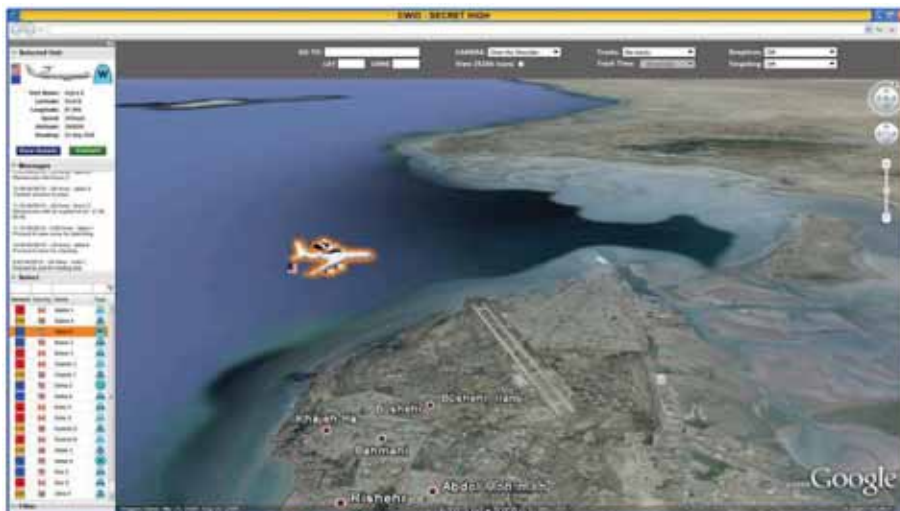
Изменения в военных доктринах, всех областях военного искусства проявились, прежде всего, в появлении таких новых концепций использования военной силы, таких как «сетевые», «информационных», «кибернетических» и пр. войн. Эти концепции связаны, как уже говорилось, с проявлением двух основных тенденций, которые стали иметь определенное значение еще в конце 90-х годов XX века.

Во-первых, с повышением роли систем обнаружения, боевого управления, связи и разведки, компьютерных и космических систем. Это, в частности, привело к качественному повышению эффективности ВВТ. Не только ядерных, но и обычных. Прежде всего, за счет резкого повышения точности, сокращения подлетного времени, возросших возможностей обнаружения и сопровождения целей, а в целом — «информвооруженности» ВВТ.

Во-вторых, с растущей уязвимостью этих сложных информационных систем к внешнему, в том числе враждебному, воздействию и (как всяких сложных систем) к ошибкам в программном обеспечении, техническим сбоям и «человеческому фактору». Особенно, если речь идет о сознательных военных операциях против информационных систем.

Таким образом, с одной стороны, быстрыми темпами росла боевая эффективность вооружений прежде всего за счет качества информационной вооруженности, а, с другой, росла уязвимость этих систем к внешнему воздействию и быстро совершенствовались способы такого воздействия. Сфера **традиционного противоборства между наступательными и оборонительными системами была перенесена в киберпространство, т.е. превратилась в глобальную сферу противоборства.** В том числе и прежде всего в области ВКО.

В этой связи важно отметить ряд принципиально новых особенностей такого «информационно-сетевого» противоборства.

Первая особенность. Область информационного противоборства изначально глобальна и не может быть ограничена ни отдельным ТВД, ни временем, ни системой оружия или военной техники. В этом смысле ВКО уже стало глобальной системой, интегрирующей информационные, наступательные и оборонительные ВВТ и вооруженные силы.

Вторая особенность. Эта область не поддается контролю или ограничению, за исключением крайне редких случаев (например, ограничений по разворачиванию РЛС), т.е. не может стать предметом договоренностей. Более того, даже при достижении каких-либо договоренностей, их невозможно контролировать.

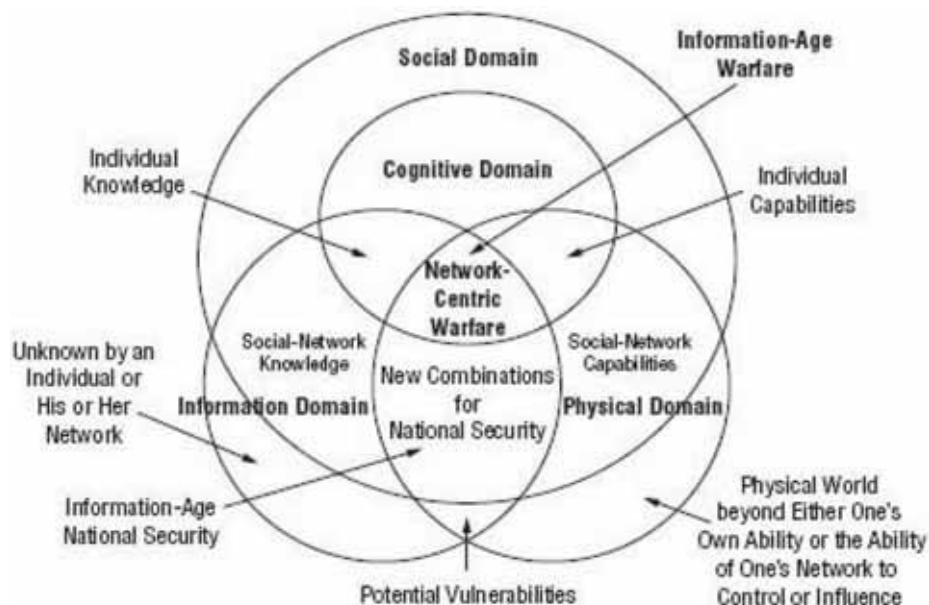
Третья особенность. Область информационного противоборства не имеет четких границ ни между формами использования («мягкой» или «жесткой») силы, ни между соответствующими средствами. СНН например, выполнял в Ираке важную функцию управления.

Четвертая особенность. Информационные средства фактически являются как частью СЯС, так и средств собственно ВКО. Не только военные, но и гражданские технологии

Евразийская воздушно-космическая оборона

становятся критически важными для ВКО, что фактически привело к их интегрированию в единый информационный комплекс.

Как видно на рисунке, возможности СЦВ определяются сложением многих факторов и производным от них.

Эти особенности и изменения в конечном счете привели к пересмотру многих основополагающих взглядов на военное искусство и военное строительство в начале XXI века, «...воплотившись, — как отмечают эксперты, — в концепцию сетецентрической войны (в англоязычной транскрипции — Network Centric Warfare). На официальном уровне эта концепция впервые была признана в Национальной военной стратегии США в 2004 г., а затем положена в основу программы строительства американских вооруженных сил „Единая перспектива–2010“. В долгосрочной перспективе эта система взглядов составляет ядро военно-технической политики США и НАТО на период до 2020 года»¹.

¹ Сиников А.
Управлять — значит
предвидеть //
Воздушно-
космическая оборона.
2012. № 5(66). С. 39.

Важно, что такая особенность информационных войн затрагивает все аспекты военной деятельности и все виды ВВТ, т.е. она по своей сути универсальна. Более того, успех или поражение в информационной войне рассматривается сегодня равнозначным успеху или поражению во всех боевых операциях и на всех ТВД. Как отмечает ветеран спецслужб Франции Ж.-Б. Пинатель, описывая специфику информационной войны, «...извечное соревнование между щитом и мечом сегодня стимулирует соперничество между возможностями координации и по передаче данных, с одной стороны, и дезинформации, постановки помех и кражи информации — с другой. „Кибервойна“, „информационное противоборство“, „сетевая война“ — эти концепции развиваются и начинают затрагивать все аспекты военной деятельности:

- война командования и управления состоит в нанесении точечных ударов по центрам управления операциями противника. Применялась американцами, в частности, в Ираке, когда были нанесены удары ракетами „Томагавк“ перед началом наземных боевых действий с войсками Саддама Хусейна;
- разведывательная война основана на способности накапливать и анализировать практически в реальном времени информацию на разных языках, собираемую при помощи людских ресурсов или перехватываемую электронными средствами;
- электронная война представляет собой потенциал доминирования в электронной сфере, постановки помех, перехвата и прослушивания связи противника при одновременной защите аналогичных собственных средств;
- компьютерные сетевые атаки (Computer Network Attacks), или „война хакеров“. В ней используется внедрение вредо-

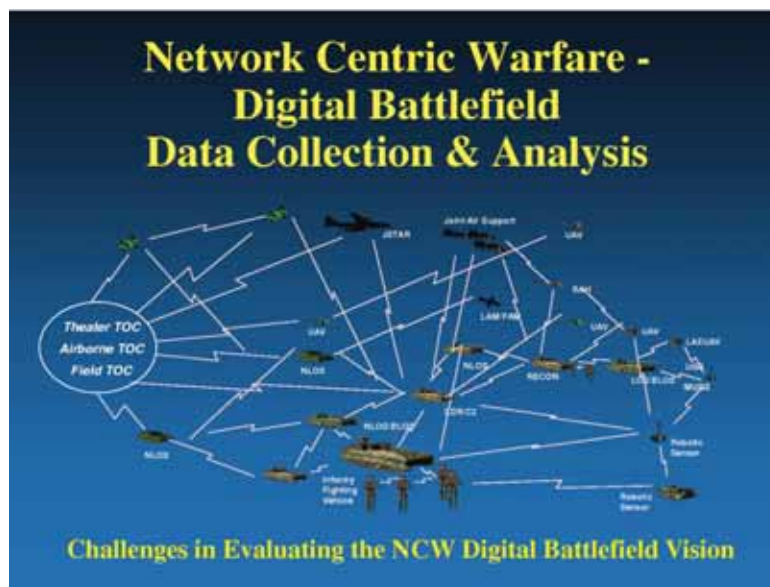
носного программного обеспечения в информационные системы противника;

- психологическая борьба, или Psyops (Psychological Operations), или „психологическая война“, состоит в использовании социальных информационных средств для дестабилизации положения населения и политических властей»¹.

¹ Пинатель Ж.-Б.
Россия — Европа:
жизненно важный
союз / перев. с франц.
Д.Х. Халиллуллиной.
М.: Книжный клуб 36.6,
2012. С. 102–103.

Как видно из перечня, приведенного Ж.-Б. Пинателем, информационная война распространяется на все вероятные уровни военного конфликта — от политического и военнотуправленческого до элементной базы, которая составляет основу современной ВКО. И эта особенность важна для всего процесса евразийской интеграции не только потому, что объединенной (а тем более единой) ВКО потребуется единая система киберзащиты. В более широком контексте потребуются единая информационная, даже идеологическая политика и высокая степень координации политических и общественных институтов, формирование единой системы ценностей, что собственно говоря, и наблюдается сегодня в НАТО. «Многовекторность» в политике будет объективно противоречить этой усиливающейся тенденции. Эти «гражданские» аспекты СЦВ и КВ приобретают все большее значение потому, что войны в XXI веке выигрываются в информационном пространстве еще до начала собственно огневого соприкосновения. Использование ВТО и ядерного оружия становится по сути завершающим этапом военной операции, а не ее началом.

Впервые это отчетливо проявилось еще в ходе подготовки войны в Югославии, когда в НАТО (за 6 месяцев до операции) был создан специальный комитет, координирующий информационную политику. Отнюдь не случайно и то, что первыми целями при налете на Белград стали национальные СМИ и системы управления и связи. Позже, в ходе конфликтов в Ираке и в Ливии, и особенно в Сирии, эта информационная составляющая военной силы приобрела еще большее значение.

Провести грань между политическими (гражданскими) и военными системами управления современным государством и обществом невозможно. Сегодня уже нельзя выделить в связи с этим и какой-то отдельный вид или род Вооруженных сил, тип вооружений или военной техники, который мог бы

функционировать без учета возможного воздействия «киберопераций». Даже средства РЭБ не могут оказаться универсальными средствами противодействия, хотя бы потому, что они изначально не предназначались, например, для ведения пропагандистской, психологической или хакерской войны. Тем более они непригодны для влияния на общество и его институты.

Это следует иметь в виду при реализации концепции ВКО, поскольку средства информационного нападения не ограничены ядерными вооружениями и высокоточными неядерными средствами, а зачастую представляют собой вполне «безобидные» информационные ресурсы или общественные организации. В XXI веке СМИ и НКО могут быть использованы для ведения враждебных действий еще до начала формально военных операций.

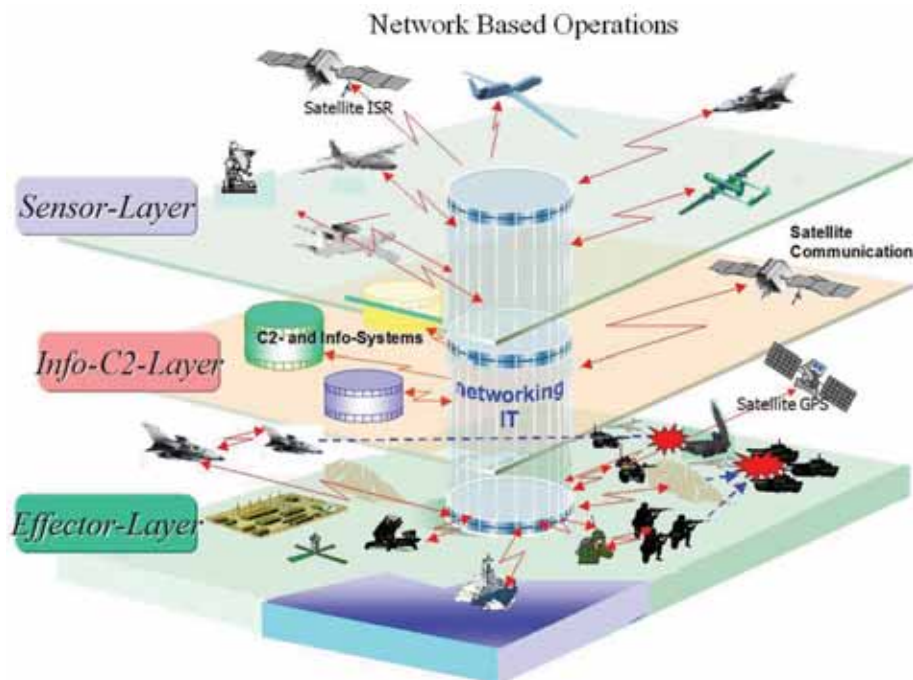
Представления о СЦВ сегодня достаточно размыты, хотя существуют и ее прикладные военно-технические аспекты. Так, сетцентрическая концепция нашла свое отражение в новой Национальной военной стратегии США, принятой в 2011 г.¹, — отмечает профессор А. Сиников. — С технологической точки зрения, как известно, основой концепции сетцентрических войн является представление пространства военных действий в виде связанной сети, состоящей из компонентов трех видов:

- сенсоры (силы и средства вскрытия и отслеживания состояния объектов противника);
- акторы (силы и средства огневого, радиоэлектронного и иного воздействия на вскрытые объекты);
- интеллектуальные информационно-управляющие элементы (силы и средства, реализующие функции управления сенсорами и акторами)².

Как видно из этого перечня, все три компонента, составляющие потенциал СЦВ, относятся как к военным, так и гражданским компонентам. Кроме того, все эти компоненты являются решающими и для ВКО, что неизбежно приводит к выводу

¹ Сиников А.
Управлять — значит
предвидеть // *Воздушно-космическая
оборона*. 2012. № 5(66).
С. 39.

² Там же. С. 39.

о том, что интеграция ВКО невозможна без интеграции всех этих компонентов сетцентрической войны. Причем в ближайшей перспективе это будет справедливо уже для всех уровней политического и военного управления. Так, в ходе войны в Ираке сетцентрическое управление достигало уже батальонного звена. Думается, что в ближайшие годы это управление будет достигать уровня даже отдельного солдата, который превратится в самостоятельную боевую и управляемую единицу.

Важной особенностью СЦВ является ее сетевой, многократно дублированный характер. «...Все указанные компоненты, — подчеркивает А. Сиников, — распределены (рассредоточены) в информационном и физическом пространстве так, что выход из строя какого-то сенсора, актора или информационно-управляющего элемента не нарушает работоспособности всей системы.

¹ Сиников А.
Управлять — значит
предвидеть // *Воздушно-
космическая
оборона*. 2012.
№ 5(66). С. 39.

Модель сетецентрической системы иногда представляют в виде информационной решетки, на которую накладываются взаимно пересекающиеся сенсорная и боевая решетки»¹.

Таким образом, концепция сетецентрической войны предоставляет бесспорное преимущество такому государству (или коалиции государств), которое:

- во-первых, имеет технологическое превосходство в области информационных технологий самого широкого спектра. В этом смысле сегодня и в среднесрочной перспективе единственным государством, имеющим такое превосходство являются Соединенные Штаты. Китаю потребуется, как минимум, десятилетие, чтобы приблизиться к США. Остальным государствам включая Россию, потребуются титанические усилия, чтобы даже в будущем стать сопоставимыми с США. Это означает, что Вашингтон обладает уникальным конкурентным преимуществом перед другими государствами, которое будет им использовано в военно-политических целях. Отставание России в этой области является критическим и до сих пор по достоинству недооценивается. Это отставание не может быть ликвидировано технологическими заимствованиями. Хотим мы того или нет, но России нужна сверхпрограмма развития собственных информационных технологий на базе собственных достижений в фундаментальной науке. Только такая программа позволит избежать «догоняющей» модели развития информатики и предусмотреть «перескакивание» через этапы информационно-технологического развития. В ее основу может быть положена концепция создания ВКО, которая может «вытянуть» в том числе и смежные гражданские секторы экономики;
- во-вторых, политическое, экономическое и финансовое положение США, в том числе и позиции американского доллара, предопределяются прежде всего технологическим

превосходством США. В агрегированном виде оно заключается в том, что не только более 30% мировой наукоемкой продукции производится в США, но они являются сегодня и бесспорным технологическим лидером. Более того, этот приоритет не случайно является главным политическим приоритетом США. Именно такое технологическое превосходство позволяет обеспечить превосходство в ВВТ и в создании самых современных концепций и их использования. Таких, как «Кибероперации», «информационная» или «сетецентрическая война».

Иными словами, финансовое и политическое превосходство США обеспечивается технологическим превосходством. Полагать, что контрмеры в области финансов или политики по отношению к США окажутся эффективными, без ликвидации такого технологического превосходства было бы неправильным. Вот почему эта задача должна быть сформулирована как важнейшая политическая задача, стоящая перед нацией;

- в-третьих, концепции информационных войн позволяют создать потенциал и предоставить возможность ведения любых войн в глобальном масштабе на любом театре ТВД, на любом пространстве — земле, воде, воздухе или в космосе. Для информационных систем нет границ или права государства на суверенитет, ликвидация которого и является одной из глобальных внешнеполитических целей США. Поэтому сохранение суверенитета тождественно достижению технологической сопоставимости с потенциалом США, что возможно в настоящее время только при широкой евразийской кооперации. В частности, в области ВКО.

Во многом эти тенденции прослеживались еще в 80-е годы XX века. Уже тогда было ясно, что растущая роль информационных систем, в частности, боевого управления, связи и разведки, с одной стороны, и принципиально новое качество

высокоточного неядерного оружия, с другой, радикально изменяет представления не только о характере будущих войн и программ военного строительства, но и имеют далеко идущие военно-политические последствия. Этому, в частности, была посвящена докторская диссертация автора этой работы «Роль и значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США», защищенная в Дипломатической академии МИД РФ в 1989 году¹. К сожалению, в последние десятилетия СССР и Россия не только не ликвидировали отставание от США, но и оказались в окончательном разрыве с современными реалиями. Технологическое соревнование с США должно было стать сутью политической доктрины СССР и России, но так и не стало. Сегодня оно кажется уже бесперспективным, но необходимо, чтобы правящая элита страны смогла сформулировать такую политическую цель, сконцентрировать ресурсы, провести мобилизацию нации для ее решения.

Применительно к ВКО это имеет непосредственное значение. До недавнего времени с пространственной точки зрения выделялось четыре сферы — наземные операции, воздушное и морское пространство, а также космос. Сегодня к ним добавилось «пятое пространство» — информационное, или киберпространство. Первым прецедентом использования киберпространства в военных целях «в чистом виде» следует, возможно, признать использование Армией обороны Израиля в 2007 г. специально разработанного компьютерного червя (аналогичного секретной американской разработке «Suter» для прорыва системы ПВО Сирии в ходе операции «Фруктовый сад». Хотя и до этого операции США в Югославии и Ираке демонстрировали качественно новые военные возможности информационных систем оружия и техники). Использование специализированного программного обеспечения позволило израильским ВВС, в частности, незамеченными преодолеть сравнительно современную и развитую систему ПВО Сирии и уничтожить

¹ Подберезкин А. И. Диссертация на соискания ученой степени доктора исторических наук «Роль и значение систем боевого управления, связи и разведки в военной доктрине США». Д.А. 1990 г.

Информационная война, сетцентрическая война и кибервойна...

объект, который эксперты связали с тайной ядерной программой. Многим более известно использование в 2010 г. червя «Stuxnet» для нарушения функционирования иранских ядерных исследовательских центров.

Первые два десятилетия XXI в., таким образом, отмечены постоянно растущей интенсивностью кибератак и планомерным повышением уровня исходящей от них угрозы со смещением фокуса от информационных воздействий и хищения секретной информации в направлении прямого нарушения функционирования инфраструктуры противника. Причем не только военной, но и политической, общественной, экономической. Эту ситуацию российские исследователи описывают следующим образом: Всё это меняет характер будущих войн, главной особенностью которых является отсутствие необходимости в массовом применении войск на поле боя. Их призваны заменить аэромобильные части и силы специальных операций, обеспечивающие достижение и закрепление политических целей войны после нанесения ущерба критически важным объектам военной, экономической и политической инфраструктур государства обычными высокоточными средствами поражения или кибернетическим оружием. К таким

выводам пришли как военные теоретики США и НАТО, так и специалисты армий южного пояса Евразии, в первую очередь Китая и Индии.

Развитие информационных средств превратило их со временем из средств обеспечения в самостоятельные виды и системы оружия, т.е. средства ведения войны. Что, естественно, не могло не повлиять на способы ведения военных операций и войн. Сказанное означает, что в классических военных доктринах ведущих государств произошла «тихая» информационная революция, осознать масштабы и последствия которой в полной мере еще только предстоит. Так, возможности ПВО-ПРО сегодня определяются прежде всего способностью обнаруживать и сопровождать цели, точностью наведения антиракет и т.д. Но в решающей степени эффективность ВВКО зависит от системы управления и передачи информации на всех уровнях.

Именно эти качества сегодня стали решающими не только для ВКО, но всех Вооруженных Сил, а, главное, военно-политического руководства.

Более того, можно, наверное, говорить о том, что собственно использование ВС для оккупации территории теряет военный смысл. Уничтожение политического и военного руководства, инфраструктуры и нарушение управления ведет неизбежно к тому, что для закрепления результатов нападения с помощью высокоточных средств и информационных средств войны достаточно полицейских соединений. Если организованное сопротивление будет сломлено, а потенциал уничтожен, то организовать противодействие можно только ответными действиями и мерами информационной войны, в которых нападающая сторона имеет безусловное превосходство.

Кроме того, информационное превосходство позволяет дезинформировать противника (особенно, если до начала военных действий будет дезориентировано общественное мне-

ние и уничтожена национальная система ценностей), сломить отдельные очаги сопротивления, в конечном счете подчинить общество агрессору. Партизанские действия и личная инициатива в этом случае будут затруднены, если вообще возможны, именно в силу дезориентации общественного мнения и отсутствия четкой системы национальных ценностей.

Разрушение национальной системы ценностей является главной целью первого, скрытого этапа информационной войны. Если этого удастся добиться с помощью «мягкой силы», то разрушаются не только нормы морали в обществе, но и управление обществом и государством. Наступает неконтролируемый хаос, который обязательно ведет к ослаблению и уничтожению государственных и общественных институтов, а в конечном счете всей системы управления государством, обществом, его институтами (включая ВС и конкретно систему управления войсками).

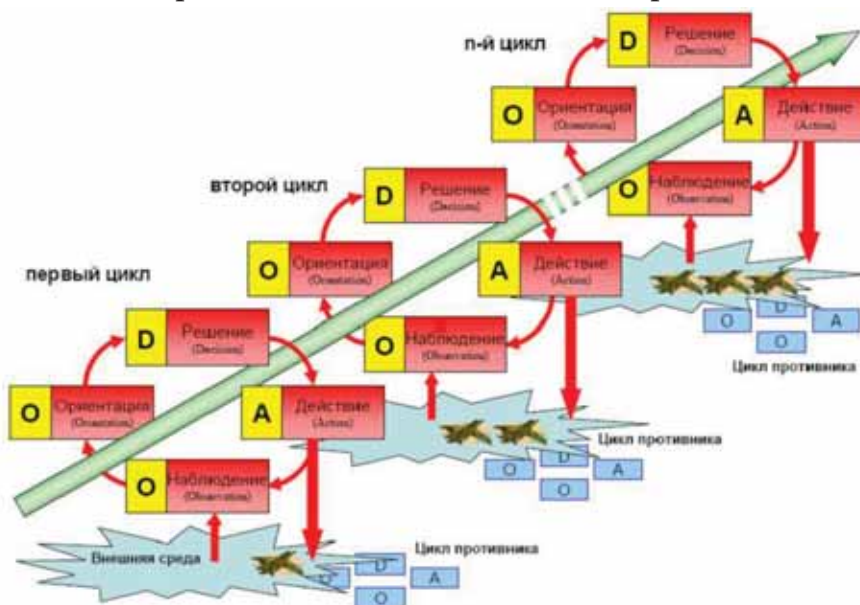
Соглашаясь с этим тезисом, становится понятно, почему, например, внешние оппоненты и внутренняя оппозиция так раздражены активностью РПЦ или патриотических партий и организаций. Как заметил А. Ципко, «речь... идет не столько о раздражении от политических инициатив нынешних иерархов РПЦ, сколько о раздражении от самого факта существования РПЦ как чуждого многим либералам мира, как облика другой... России»¹. По большому счету речь идет о сломе национальной системы ценностей, разрушении национальных институтов управления и фактически управленческому хаосу, в котором легко, используя информационное превосходство, одержать политическую победу без привлечения в массовом порядке вооруженных сил.

Эти тенденции просматриваются уже сегодня. В частности, российские эксперты подчеркивают, что «...в ходе войн в Югославии и Ираке американское военное командование уже опробовало новую доктрину ведения боевых действий

¹ Ципко А.
Исповедь
ретрограда // Независимая газета.
2012. 11 декабря. С. 3.

с воздействием по центрам, контролирующим его экономику, промышленное производство и транспорт. В этой доктрине использовалась теория Джона Бойда о действиях на опережение противника в области принятия и проведения им в жизнь решений на применение вооружённых сил (так называемый цикл НОРД — «наблюдение—ориентация—решение—действие»). Согласно этой теории одним из необходимых условий достижения успеха являются действия по разрушению командных пунктов противника всех уровней управления и линий связи с одновременной деморализацией войск и населения противника за счёт проведения психологических операций»¹.

¹ О военных угрозах Евразийскому союзу / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 28 августа / <http://eurasian-defence.ru>

Многократное «спиральное» повторение цикла OODA

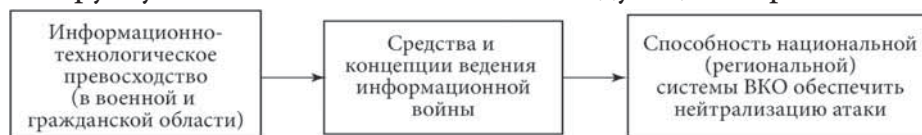
Сегодня трудно отделаться от мысли, что первый скрытый этап информационно-психологической войны против России прекратился с окончанием «холодной войны». Скорее наоборот: произошла концентрация усилий на уничтожении национальной системы ценностей, дискредитации государственных институтов и политической системы.

Единое информационное пространство Евразии

Очевидно, что создать неуязвимое информационное пространство в отдельности странам ОДКБ, а в целом Евразии, — невозможно. Собственно сегодняшняя реальность свидетельствует, что, контролируя информационное пространство (как в случае с Югославией, Ираком или осетино-грузинским конфликтом), США способны не только к массовой дезинформации мирового общественного мнения и навязыванию соответствующих политических решений, но и к подготовке эффективных военных операций.

Очевидна и взаимосвязь между информационной войной и возможностями для нанесения высокоточных операций. Эта взаимосвязь по существу означает, что концепции информационного воздействия являются прелюдией, частью концепции «сетевых» войн, а затем использования ВТО и последующей оккупации основных центров.

Другим следствием этой взаимосвязи является зависимость возможностей ВКО от информационных возможностей, которыми обладает агрессор. Причем не только военных, но и гражданских. Эта взаимосвязь превращается в зависимость, которую условно можно обозначить следующим образом:

Из этого рисунка следует важный вывод: без создания конкурентоспособных национальных информационных ресурсов (в т. ч. элементной базы, ПО, ВВТ, СМИ и т.д.) обеспечить эффективную оборону и суверенитет страны невозможно. В том

Евразийская воздушно-космическая оборона

числе и эффективную ВКО страны, региона или континента. Кроме того, необходимы специальные — сетевые, многократно дублированные и защищенные от кибератак — органы государственного, военного и общественного управления, интегрированные с системой управления ВС России. Прежде всего СНВ и ВКО.

Некоторые действия США наводят на эти размышления. Так, США оперативно среагировали на новые возможности, создав в 2009 г. на базе АНБ и подразделений ВВС специализированное киберкомандование (USCyberCommand). Практически сразу аналогичные структуры стали появляться и в других государствах¹. Но это лишь частное проявление общей закономерности.

¹ Каберник В.
Революция в военном деле: возможные контуры конфликтов будущего / Эл. ресурс «Евразийской обороны». 3 октября 2012 г. / <http://eurasian-defence.ru>

² Cyber Command Fact Sheet / U.S. Department of Defense. 21 мая 2010 г.

³ Military's Cyber Commander Swears: «No Role» in Civilian Networks // The Brookings Institution. 23 сентября 2010 г.

Формальной миссией киберкомандования США является планирование и координация действий по защите информационных сетей Министерства обороны, а также, в особых случаях, проведение полномасштабных военных операций в киберпространстве². Отметим, что обязанности по защите гражданской инфраструктуры в США возложены на Министерство внутренней безопасности и Агентство национальной безопасности, что создает некоторую путаницу³. Киберкоман-

дование США не выполняет задачи по обороне сравнительно уязвимой информационной инфраструктуры страны (ее компоненты — системы управления сетями энергоснабжения, транспортом, информационные сети финансовых организаций и т.п.), концентрируясь на обороне только и исключительно элементов военной инфраструктуры¹. Частично раскрытая в июле 2011 г. стратегия операций в киберпространстве, кроме подтверждения заявлений о намерении охранять информационные сети Министерства обороны, содержит также программное заявление о признании киберпространства доступным для ведения боевых действий наравне с землей, морем, воздухом и космосом². Но наряду с этим в описываемом программном документе содержится тревожащее заявление о допустимости ответа на кибератаки всеми необходимыми средствами, включая прямые силовые воздействия вплоть до проведения военных операций³.

Сегодня наблюдается очевидная параллель в развитии трех важнейших технологических направлений военного строительства в США:

- совершенствование ВТО и развертывание неядерного стратегического потенциала;
- создание глобальной системы ПВО–ПРО;
- создание информационных ресурсов для ведения СЦВ и КВ.

С точки зрения создания объединенной, а тем более единой ВКО это означает, что классическая схема военной интеграции уже устарела. Необходима такая система управления, которая (по аналогии с задачами СЦ) могла бы обеспечить:

- текущий мониторинг военно-политической ситуации, обработку информации;
- ориентацию политического руководства;
- подготовку решений, а также их реализацию.

Эти направления очевидно синхронизируются и составляют вместе единый «наступательно-оборонительный инфор-

¹ Cyberwar Commander Survives Senate Hearing, Threat Level // Wired. 15 апреля 2010 г.

² Department of Defense Strategy for Operating in Cyberspace. July 2011 / US Department of Defense / <http://www.defense.gov/news/d20110714cyber.pdf>

³ David E. Sanger and Elisabeth Bumiller. Pentagon to Consider Cyberattacks Acts of War // The New York Times. 31 мая 2011 г. / http://www.nytimes.com/2011/06/01/us/politics/01cyber.html?_r=1; White House Cyber Czar: 'There Is No Cyberwar' // Wired magazine. 4 марта 2010 г.

мационный» комплекс. Соответственно, рассматривать те или иные действия необходимо в этом контексте. Вот как охарактеризовал эти угрозы Генеральный конструктор Системы ПРН Сергей Федотович Боев в интервью: «Нельзя не учитывать, что состав военных угроз безопасности нашей страны в настоящее время существенно изменился. В первую очередь это связано с тем, что у вероятного противника появились или находятся на завершающей стадии разработки стратегические системы высокоточного оружия — БР с управляемыми боевыми блоками, стратегические крылатые ракеты (СКР), гиперзвуковые летательные аппараты (ГЗЛА), которые по уровню прогнозируемого ущерба и влиянию на стратегическую стабильность становятся сопоставимыми с ракетно-ядерным оружием. В этих условиях информационная составляющая системы ВКО должна приобрести новое качество — кроме задач предупреждения о ракетном нападении, она должна быть способной решать задачу предупреждения высшего руководства страны о массированном применении СКР и ГЗЛА, в том числе в условиях усложнения целевой и помеховой обстановки в зонах действия информационных средств РКО»¹.

¹ Новости воздушно-космической обороны. 18 мая 2012 г. / <http://gunm.ru/news/>

На эту новую особенность американской стратегии хотелось бы обратить особое внимание: «победа» в кибервойне, безусловно, считается основным условием реальной военной победы. Понятно, что если выведены из строя информационно-коммуникационные системы, то любой вид оружия, вплоть до стрелкового, становится малоэффективным, даже бесполезным. Когда потеряно управление, то это равносильно военному и политическому поражению.

Сегодня угроза потери управления рассматривается прежде всего как угроза возможного уничтожения центров управления и связи в результате первого удара. Что уже не совсем соответствует реалиям. Соответственно и основные усилия направлены на предупреждение о таком нападении. Вот по-

чему особое внимание уделяется средствам предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Когда «удельный вес» каждой ракеты резко возрастает в связи с повышением ее возможностей уничтожения средств управления, значение СПРН становится критически важным. Считается, что «главным козырем обновленной СПРН России стали «Воронежи» — быстровозводимые радары высокой заводской готовности. Прогресс радиоэлектроники, позволивший на порядок уменьшить количество, массу и габариты комплектующих, обеспечил удешевление новых радаров и ускорение их строительства. Если приводить бытовые, всем понятные, сравнения, то с РЛС произошло то же самое, что с телевизорами или компьютерами за последние три десятка лет.

За последние несколько лет в России построены и находятся в завершенной стадии четыре «Воронежа»: на северо-западе страны — в Лехтуси под Санкт-Петербургом, на крайнем западе России — в Калининграде, на юго-западе — в Армавире и на юго-востоке — в Усолье-Сибирском под Новосибирском. В строй вступает второй радар в Армавире, который будет контролировать южное юго-восточное направление.

В 2013 году должно начаться строительство сразу трех новых РЛС — в Печоре, Барнауле и Енисейске. Завершение их строительства возможно уже к 2016–2017 годам, что позволит России полностью обеспечить работу СПРН за счет радаров, расположенных на национальной территории, отказавшись от устаревающих станций на территориях бывших советских республик»¹.

Насколько это эффективно? А, главное, гарантируют ли эти меры против концепций информационных (сетевых) войн? Думается, что нет. Как уже говорилось, разрабатываются и другие концепции первого удара, но, главное, классические средства противодействия бесполезны в условиях СЦВ.

¹ Крамник Н.
Радары СПРН:
глаза воздушно-
космической обороны /
Голос России.
5 декабря 2012 г. /
[http://rus.ru/radar/_
print/97006949.html](http://rus.ru/radar/_print/97006949.html)

Евразийская воздушно-космическая оборона

Но это только одна часть проблемы. Другая часть находится в плоскости политического и психологического использования военной силы и силы вообще, включая «мягкую силу», государством. Превосходство в информационно-коммуникационной области становится политическим превосходством и справедливо рассматривается, например, в Китае как важнейшая угроза национальной безопасности. В Китае, например, в принципе невозможна ситуация, когда социальные сети используются для координации деятельности антиправительственных групп и демонстраций, носящих резко

подрывной характер в отношении органов государственной власти. Facebook и Twitter там не функционируют, а есть китайские аналоги указанных систем, которые находятся, разумеется, под контролем китайского правительства. Заместитель начальника Генштаба Ма Сяо Тянь, например, отметил, что необходимо принять документы, которые определяли бы Интернет как один из видов современной человеческой деятельности — в том плане, что необходимо регулирование правил поведения государств в системе Интернет. За такими осторожными формулировками, конечно же, скрывается стремление Китая дать отпор попыткам США, в частности, влиять на информационную политику Китая и использовать ресурсы китайского Интернета для стимулирования различного рода диссидентской деятельности. То есть Китай очень четко видит эти угрозы и их парирует»¹.

Пытаются парировать эти угрозы и в России, однако это встречает жесткое сопротивление со стороны «демократической» оппозиции, которая, видимо, не понимает роль интернета как возможного средства для осуществления концепций СЦВ и КВ против России. Но вероятнее всего либеральная часть российской элиты просто не рассматривает борьбу за национальную идентичность и систему ценностей как жесткую объективную необходимость, заранее согласившись, что эти атрибуты суверенитета уже устарели. Это означает, что первая фаза информационной войны за систему ценностей ей представляется заранее проигранной.

¹ Кобаев А.
Военно-политический
анализ: Китай против
дестабилизации через
интернет.
8 июня 2012 г. // <http://rus.ruvr.ru>

9.

**Евразийская ВКО:
роль стратегических
неядерных вооружений**

Военно-политическая интеграция
предполагает делегирование
полномочий по вопросам войны
и мира на наднациональный
уровень...¹

В. Захаров

В настоящей момент пришло время понять
и проговорить позицию в отношении НАТО,
при этом на официальном уровне обозначив
неприемлемые для нас моменты
в отношениях с блоком...²

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Принципиально новое явление для ВКО последних двух десятилетий – это массовое производство и быстрая модернизация ВТО, которое стремительно приобретает функции стратегического наступательного потенциала. Между тем, эта взаимосвязь не привлекает пока ни должного политического, ни общественного внимания. Так, в фундаментальной работе А.И. Антонова, безусловно, ведущего российского эксперта — «Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы»³ — самым подробным образом рассматриваются все аспекты переговоров по ограничению вооружений, однако в ней нет специального раздела, посвященного этой проблеме. И не случайно. Многие годы США сознательно и категорически уходят от ее обсуждения. Мотив ясен: чем скорее удастся ликвидировать военно-стратегическое равновесие в области ядерных вооружений с помощью стратегических неядерных средств воздушно-космического нападения (СВКН), тем быстрее США вернут себе не только статус неуязвимости, но и реальную возможность использования уже по всему миру военной силы без опасения ответных мер, которым они обладали до появления стратегического равновесия с СССР. Концепция «ядерного сдерживания» в соответствии с этими планами

¹ Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8 / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/0305/11098005/detail.shtml>

² Торкунов А. В. Внешнеполитическое измерение военной безопасности. В кн.: Торкунов А. В. По дороге в будущее. М.: МГИМО(У). 2010. С. 72.

³ Антонов А. И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. М.: РСПЭН, ПИР-Центр, 2012.

неизбежно должна уступить место угрозе использования стратегических ядерных и обычных вооружений.

В очередной раз А. И. Антонов обратил внимание на эту проблему на Мюнхенской конференции, посвященной вопросам безопасности. Причем с ним фактически солидаризировались западные эксперты: «В настоящее время имеются неядерные средства, способные решать многочисленные военные задачи с эффективностью, сравнимой со стратегическими вооружениями в ядерном оснащении.

Например, для нанесения ударов с воздуха активно используются беспилотные летательные аппараты. В качестве цели без труда может быть выбрана не база террористов, а ракетная база. Подразделения сил специального назначения также могут быть использованы для приведения в неисправное состояние объектов СНВ.

Кроме СНВ в неядерном оснащении, необходимо учитывать возможность размещения оружия в космическом пространстве, а также соотношение сил общего назначения. Нельзя забывать ситуацию с ракетами средней и меньшей дальности, когда лишь Россия и США имеют жесткие юридически обязывающие ограничения. Ну и, разумеется, еще предстоит много сделать, чтобы разобраться с „кибероружием“»¹.

Таким образом во втором десятилетии XXI века стали складываться условия возникновения нового неравенства в стратегической области, способного девальвировать идею ядерного сдерживания и роль ядерных вооружений. Соответственно классические системы ПРО–ПВО в новых условиях должны быть модернизированы таким образом, чтобы нейтрализовать эти новые угрозы, т.е. решить по сути дела принципиально новые, не свойственные им прежде, задачи.

¹ Тезисы выступления А. И. Антонова на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности. 2013. 6 февраля. / <http://eurasian-defence.ru>

Эволюция военного искусства и стратегические неядерные вооружения

Если управлять — это, значит,
предвидеть, то в стратегии управлять
значит предвидеть далеко вперед¹

А. Свечин

Искусство войны развивалась одновременно с вооружениями. Но нередко случалось так, что устаревший опыт и знания вели к тому, что новые вооружения не могли в полной мере использоваться эффективно. Представляется, что сегодня появление в массовом порядке стратегических неядерных вооружений создает совершенно новую реальность, которую (во всяком случае, политики) еще до конца не осознали.

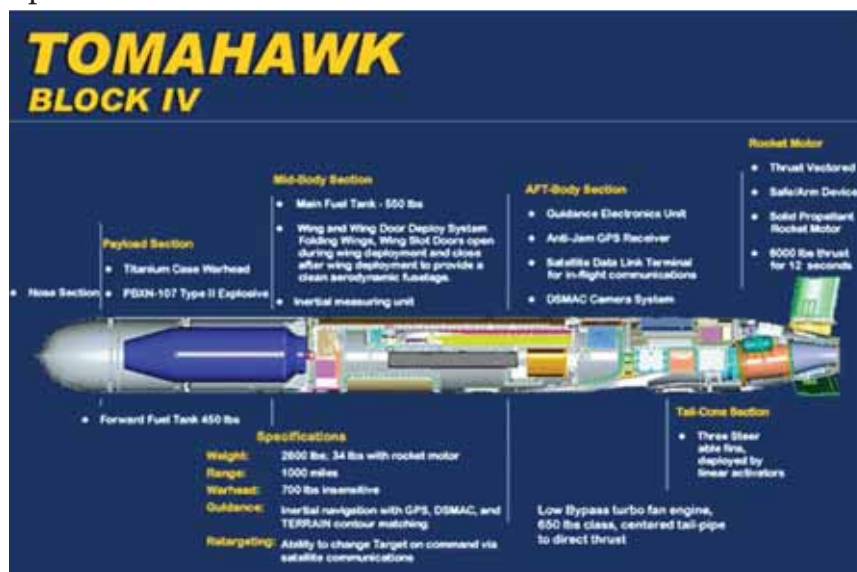
Известно, что эволюция военного искусства происходит под влиянием двух основных групп факторов:

- во-первых, развитие ВВТ объективно дает новые возможности и способы их применения. Так, появление ядерной бомбы очень быстро привело к появлению различных концепций использования ядерного оружия. Причем — по мере совершенствования средств его доставки — не только на тактическом или оперативном, но и стратегическом уровне, когда перед военной силой была поставлена принципиально новая политическая задача;
- во-вторых, новые политические установки и требования формулируют «социальный заказ», под который создаются новые ВВТ. Эта целенаправленная и сознательная деятельность правящей элиты не только ставит политические, но и стратегические, и технические задачи.

¹ Свечин А.
Стратегия в трудах
военных классиков.
М.: Финансовый
контроль, 2003. С. 25.

Именно это мы наблюдаем в современной действительности. Соединенным Штатам необходимо вернуть «используемость» военной силы не только по отношению к развивающимся государствам, но и странам, обладающим ядерным оружием. Для этого необходимо радикально сократить все ядерные вооружения, либо (что еще лучше) добиться их уничтожения. Так, как это произошло с химическим и бактериологическим оружием. На замену предлагаются высокотехнологичные ВВТ (лидерство которых у США). Это и есть политический заказ.

С другой стороны, развитие технологий предоставляет странам-лидерам колоссальные преимущества, когда технологическое лидерство обеспечивает военно-техническое превосходство, конвертируемое в политическое влияние. Так, создание КРМБ повышенной дальности и точности позволяет США создать потенциальную угрозу России со всех стратегических направлений.

В этой связи обращает на себя внимание отнюдь не случайное совпадение: переоборудование американских ПЛАРБ

Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений

на носители КРМБ идет параллельно с развертыванием региональных систем ПРО. При этом вместо 16–20 БРПЛ на одной ПЛАРБ развертывается более 150 КРМБ. Под их потенциальным ударом могут оказаться практически все цели на территории России, которые рассматриваются в качестве объектов для нанесения первого («разоружающего») удара.

И не стоит заблуждаться относительно того, что эти удары могут быть нанесены только с западного или восточного стратегических направлений. Мы пока не знаем действительной дальности КРМБ, но можно предположить с уверенностью, что она значительно увеличилась по сравнению с последними официальными данными и ещё больше возрастет в ближайшие годы. Таким образом под угрозой оказываются практически все (если не все) цели на территории России, не обладающие соответствующими средствами ПРО от КРМБ.

Вероятная схема ракетного удара по территории России

Евразийская воздушно-космическая оборона

Это позволяет ряду аналитиков полагать, что такое развертывание КРМБ к 2020 году вместе с развертыванием региональных ПРО создаст новую уникальную угрозу для России и Китая. Тем более, что в последние годы дальность КРМБ и их точность существенно увеличились. Насколько мы не знаем, но можем предполагать.

Появление и стремительное наращивание стратегических неядерных вооружений — как наступательных, так и оборонительных — стало одним из главных новых факторов, влияющих на расстановку военно-политических сил в мире, который пока, к сожалению, не всегда учитывается. Между тем именно такие вооружения количественно и качественно определяют сегодня как уровень вооружений и военной техники, так и области военного искусства. Прежде всего в стратегической области, где происходит радикальный пересмотр, существовавшей в последние десятилетия стратегии ядерного сдерживания (deterrence). В основе этих перемен лежит новый этап военно-технической революции.

В том числе и на переговорах по ограничению и сокращению вооружений. В этой связи обращает на себя внимание замечание известного французского эксперта Ж.-Б. Пинателя: «...для США стратегическое превосходство более не ограничивается классическим военным могуществом. Новые информационно-коммуникационные технологии произвели переворот в военных делах. И это не стало неожиданностью. Успех боевых операций всегда напрямую зависел от способности координировать действия подразделений, занимающихся рекогносцировкой, и предположения относительно сил противника. Но новые информационно-коммуникационные технологии открывают для этих способностей поистине революционные перспективы»¹.

Каковы же те революционные перспективы, прежде всего в военно-политической области, что следует ожидать с появлением феномена стратегических неядерных вооружений и военной техники? Прежде всего, речь идет об изменении самого отношения к военной силе как внешнеполитическому инструменту. Новая роль неядерных вооружений очевидно ведет к тому, что военная сила вновь становится обычным, «используемым» внешнеполитическим инструментом. Прежде всего в региональных, даже внутригосударственных конфликтах.

Кроме того, уже радикально изменились представления о военном искусстве даже на тактическом уровне. Фактически война «больших батальонов» ушла в прошлое. Массированное использование сухопутных сил стало анахронизмом, уступив место нанесению «воздушно-космических — информационных» ударов и последующей оперативной «зачистке» территорий. При

¹ Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д. Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36,6, 2012. С. 102.

этом, речь идет о четком определении приоритетности, когда важнейшими мишенями становятся центры политического и военного руководства. Именно об этом свидетельствуют результаты войны Израиля в ноябре 2012 года когда в течение одного дня была уничтожена половина политического и военного руководства ХАМАС и ПУ ракет (включая защищенные), а оставшиеся были перехвачены системой ПРО «Железный купол». «Сейчас, в начале XXI века, развитие информационно-коммуникационных технологий позволяет, с одной стороны, быть постоянно в курсе местонахождения своих боевых подразделений, вплоть до конкретного солдата, и даже отслеживать в реальном времени уровень усталости последнего и серьезность полученных им ранений, а то и обеспечивать ему медицинскую помощь на расстоянии с помощью „нанокапсул“, внедренных в его униформу, которая все больше приобретает свойства „второй кожи“»¹, — подчеркивает Ж.-Б. Пинатель.

¹ Пинатель Ж.-Б.
Россия — Европа:
жизненно важный
союз / перев. с франц.
Д.Х. Халиллуллиной.
М.: Книжный клуб 36.6,
2012. С. 102.

С начала нового века стали происходить принципиальные изменения в роли неядерного оружия и военной техники, которое в ряде случаев стало приобретать качество стратегических наступательных и оборонительных вооружений. Речь идет о высокоточном (ВТО) оружии — КР, ЛА, ударных беспилотниках, ракетах класса «воздух–земля». Отмечаются как минимум три выдающиеся новые черты.

Во-первых, массовость производства ВТО и его использования в военных конфликтах. Достаточно сказать, что если в ходе операции «Буря в пустыне» применение ВТО составляло менее 10%, то против Югославии — уже около 100%, а в Ливии использовалось только ВТО. Есть все основания полагать, что именно неядерное ВТО станет основным средством ведения военных действий и главным внешнеполитическим инструментом влияния.

Во-вторых, массовое производство неядерных вооружений сопровождалось резким удешевлением ВТО, превращением его

из экзотического средства войны в обычное, «повседневное», массовое. Это, естественно, сказалось и на масштабах производства и разработок неядерных вооружений. Ожидается, что в среднесрочной перспективе, например, общая численность КР в США достигнет десятков и даже сотен тысяч. Ожидается также массовое производство ударных беспилотников и гиперзвуковых ЛА, а также различных типов авиабомб и ракет. Подобное массовое производство ВТО неизбежно приведет к автоматизации, роботизации и в целом передаче функций управления автоматизированным алгоритмам, не зависящим целиком от принятия политических решений.

Наконец, в-третьих, ВТО стало стремительно «расползаться» за рубеж, перестало быть привилегией только США и России. Более того, ряд стран, таких, например, как Франция и Израиль, стали лидерами в его производстве. Соответственно, все дестабилизирующие последствия появления ВТО переносятся не только на отношения между великими державами, но и на региональный уровень.

Все эти три последствия оказывают негативное влияние на политическую стабильность и использование военной силы в международных отношениях. И особенно на стратегическом уровне, в частности, на уровне возможностей оборонительных вооружений. Появляются все более совершенные концепции использования ВТО в сочетании с информационными и ядерными средствами.

Важно отметить очень важное обстоятельство: развитие ВТО идет параллельно с созданием эффективных систем ПВО и ПРО, превращая их в единый комплекс. Так, опыт войны Израиля против ХАМАС в ноябре 2012 года показал, что с помощью ВТО можно уничтожить политико-военное руководство и наступательные вооружения (ПУ) даже в защищенных объектах, а с помощью ПРО — перехватить (по оптимистическим оценкам) до 90% средств нападения, достигнув в итоге главной

Евразийская воздушно-космическая оборона

военной цели — «разоружить» противника. Это, конечно, не означает всегда политической победы, которая определяется не только военными результатами (как и в случае палестино-израильской войны 2012 года), но очевидно предопределяет такую политическую победу.

Эти и другие изменения в военно-техническом и экономическом аспектах развития неядерных вооружений неизбежно сказались на способах его использования, более того, всей военной стратегии государств. Так, если с помощью стратегических неядерных вооружений, по некоторым оценкам, уже сегодня можно уничтожить до 30% СЯС России и 100% Китая, то в среднесрочной перспективе эта тенденция только усилится, даже несмотря на все меры противодействия. По сути дела у той стороны, которая обладает подавляющим потенциалом ВТО, появляется возможность «разоружающего» (стратегического по последствиям) удара. Сказанное имеет прямое отношение к военной политике США и их союзников по НАТО, которые в последнее десятилетие резко усилили масштабы военного строительства ВТО.

А также это имеет отношение к ВТО, которое в последнее время фактически не только интегрировало космическое и воздушное пространство в единое пространство — воздушно-космическое, — но и «размыло» его границы от районов обороны отдельных территорий до национальных и даже целых регионов: сегодня уже нельзя обойтись обороной одной территории, будь то район дислокации БР или место нахождения военного или политического руководства. Видимо необходимо изначально планировать либо ВКО страны, либо (что реалистичнее) ВКО многих районов. Причем как на разных высотах, так и по дальности перехвата.

Есть еще одна важная особенность массового производства стратегического ВТО: в последнее десятилетие мы являемся свидетелями бурного роста объема поставок продукции военного назначения (ПВН) США за рубеж вообще и ВТО, в частности. По официальным данным только в рамках правительственных программ эти объемы выражались в следующих цифрах¹:

2002 — 10 млрд долл.

2007 — 18 млрд долл.

2008 — 28,5 млрд долл.

2009 — 29,9 млрд долл.

2010 — 24,4 млрд долл. (мировой экономический кризис)

2011 — 32,9 млрд долл.

2012 — 51,6 млрд долл.

Таким образом, только по официальным каналам поставки США за рубеж выросли более чем в пять раз всего лишь за 10 лет. Этот фантастический рост объясняется многими причинами, но прежде всего ростом значения высокоточного оружия, а также систем ПВО и ПРО в обеспечении безопасности государств. Отсюда следует прогнозировать, что в ближайшие годы, по мере появления нового поколения ВТО и систем ПРО–ПВО, их удельный вес в объемах

¹ Новости
за рубежом // ВКО.
2012. № 5 (66). С. 86.

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

продаж за рубеж будет нарастать в еще большей степени, чем сегодня.

Вслед за этим с неизбежностью следует и другой вывод: превращение воздушно-космического и информационного пространства в единый ТВД делает искусственным прежнее деление вооружений на стратегические, оперативно-тактические и тактические, ядерные и обычные, наземные и морские. Они становятся единым комплексом. Наконец, «расползание» ВТО за пределы национальных границ, в том числе в нейтральные воды Мирового океана, означает качественное изменение стратегической ситуации в мире. Причем в пользу того государства, которое продвигает такое оружие за пределы своих национальных границ и территориальных вод.

Стратегические неядерные вооружения как необходимый предмет переговоров

По подсчетам различных организаций США
... с 2004 года было нанесено более 450 ударов
(Беспилотными ЛА)¹

Быстрый рост численности и качества ВТО создает качественно новую стратегическую ситуацию в мире, которая не находится под каким-либо контролем. Чем выше качество — дальность и точность — беспилотных летательных аппаратов самых различных типов и КР, тем больше у страны, обладающей ими, военных преимуществ. Сегодня существуют десятки типов ЛА и КР, насчитывающие уже, по некоторым оценкам, более 40 тыс. экземпляров.

Естественно, что в общем балансе мировых сил, где присутствуют не только США и Россия, но и новые ядерные державы, этот фактор играет возрастающее значение. Причем по мере совершенствования и удешевления этого оружия, очевидно, его роль будет возрастать.

Ключевыми характеристиками этих систем становятся точность, а значит и способность уничтожать хорошо защищенные, в т.ч. ПУ МБР, цели, дальность полета, практически нулевая вероятность обнаружения радарными и дешевизна.

Стремительное развитие ВТО и концепций его использования неизбежно ведет к тому, что их развитие и распространение должно стать предметом переговоров. Прежде всего между теми странами, которые способны создавать и производить эти системы оружия и военной техники. Но не только, в будущем неизбежно превращение таких переговоров в многосторонние.

¹ Федяшин А.
Кандидат на пост
нового главы ЦРУ
Джон Бреннан вы-
ступил в защиту БЛА.
2013. 8 февраля /
Цит. по: [http://eurasian-
defence.ru](http://eurasian-defence.ru)

В этой связи возникает много проблем, среди которых в приоритетном порядке можно выделить:

- проблему морского компонента ВТО и ПРО США, который разрастается непропорционально быстрыми темпами;
- проблему союзников и территорий, на которых размещено ВТО. Очевидно, что этот потенциал ВТО также должен учитываться при анализе соотношения сил;
- проблему переговоров или сознательного ограничения распространения ВТО и систем ВКО за пределы национальных территорий;
- проблему ограничения военной деятельности в космосе или отдельных регионах мира (например, нейтральных водах).

Развитие неядерных высокоточных вооружений достигло такого уровня, что всерьез обсуждается вопрос на военном уровне о постепенной замене функции ядерного сдерживания неядерным. Но эта дискуссия ещё не переносится в политическую область, хотя существует объективная потребность в этом. Эта точка зрения отражается российскими экспертами, в частности, следующим образом: «Казалось бы, неядерное высокоточное вооружение играет позитивную роль, способствуя снижению роли ядерных вооружений, а следовательно, и их сокращениям. Однако просматривается и противоположная тенденция. Подавляющее преимущество в обычных вооружениях одних государств побуждает стремление других государств к обладанию ядерным оружием с целью сохранить свой суверенитет и проводить независимую политику, и, таким образом, подрываются основы режима ядерного нераспространения»¹.

Складывается устойчивое впечатление, что США не только сознательно используют свое военно-техническое превосходство, изменив ставку с ядерных на обычные вооружения, но и игнорируют объективную потребность в переговорах по ограничению или сокращению ВТО. Более того, история всех

¹ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

переговоров СССР — США и России — США демонстрирует, что США всегда уходили от ограничения качественной гонки вооружений, где они рассчитывали на сохранение своего военно-технологического превосходства. Эти аргументы российских экспертов известны (хотя на политическом уровне и не часто звучат): «Качественный скачок в развитии высокоточных неядерных вооружений начинает вызывать обеспокоенность в отношении выживаемости сокращающихся стратегических ядерных сил. В открытых публикациях рассматриваются сценарии превентивного обезоруживающего удара по российским СЯС, в частности, с использованием неядерных крылатых ракет морского базирования. Поскольку неядерное высокоточное оружие начинает приобретать контрсиловые возможности, представляется резонным ставить вопрос о необходимости учета этого фактора при дальнейших сокращениях СНВ»¹.

Переговоры об ограничении и сокращении вооружений, способных выполнять стратегические функции, безусловно, необходимы, но не они являются определяющими. Прежде всего опыт показывает, что ограничение обычных вооружений и военной техники вне какого-то конкретного ограниченного региона (например, Центральной Европы) труднореализуемы. Действительно, если количество МБР, ТБ или ПЛАРБ, исчисляемое, как максимум, тысячами, можно подсчитать, то численность обычных вооружений, исчисляемых десятками и сотнями тысяч, — малореально. Тем более, ввести какие-то качественные ограничения, например, на танки, фронтовую авиацию, либо вертолеты, которые могут оснащаться эффективным ВТО.

Тем более это трудно сделать, когда процесс ограничения противоречит двум другим тенденциям — повышению качества ВВТ и его расползанию по всему миру. Одновременно делать и первое, и второе невозможно. Особенно, когда этого не хочется. И это находится вне долгосрочной стратегии.

¹ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

Видимо, следует исходить из того, что в среднесрочной перспективе придется смириться с тем, что неядерные вооружения будут все более приобретать контрсилловой потенциал, точнее — потенциал упреждающего первого удара.

Вместе с тем, необходимо сформулировать перспективную повестку дня, когда после очередного витка гонки вооружений все равно придется вернуться к переговорам по их ограничению. Тем более, что некоторый позитивный опыт есть.

«Некоторые типы неядерных вооружений ранее являлись предметом договоренностей между Россией и США по сокращению СНВ, и на них распространялись ограничения и меры транспарентности — полагают эксперты. И приводят пример: «В настоящее время наметилась тенденция вывода таких вооружений из-под ограничений.

Наиболее яркий тому пример — тяжелый бомбардировщик В-1В. Этот тип вооружений более не является предметом Договора о СНВ. Перестали также действовать ограничения на районы базирования В-1В вне национальной территории, и США более не обязаны уведомлять о перемещениях бомбардировщиков этого типа»¹.

Можно привести множество других примеров, иллюстрирующих эту тенденцию — от создания ГЗЛА и СКР до ударных беспилотников. Причем не только в США, но и в России. Остановимся на одном, может быть, не самом известном. Как отмечают эксперты, в 2013 году Минобороны России начнет оснащать многоцелевые лодки проектов 971 «Щука-Б» и 877 «Варшавянка» крылатыми ракетами «Калибр», способными поражать наземные цели с расстояния свыше 300 км. Причем залпы производятся из обычных 533-миллиметровых торпедных аппаратов, которыми оснащена любая со-

¹ Мясников Е. В.
Сменщики «Сатаны»
и «Минитмена» заступают на боевой пост
// Независимая газета.
2012. 28 сентября /
http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

временная лодка. «Калибр» практически невозможно сбить даже самым современным системам ПВО, включая наши отечественные С-300 и С-400. А залп из внезапно всплывшей подлодки может уничтожить сразу несколько ключевых объектов противника. Все это делает многоцелевые лодки, которые сейчас предназначены только для морских боев, универсальным оружием (т.е. способным поражать цели, расположенные вдали от побережья. — А.П.), — считают в главкомате ВМФ¹.

В этом смысле возможности американской системы ПРО достаточно ограничены и вряд ли смогут быть увеличены в короткие сроки даже после создания новых типов ракет-перехватчиков. Но это и не очень беспокоит США, поскольку они не предполагают защищаться от российских подводных лодок потому, что планируют уничтожить их в первом ударе. Другого объяснения просто не существует.

Не беспокоят США и другие возможности новой подводной лодки, а именно: «Поражает и точность «Калибра» — подлодка сможет попасть в наземную цель размером в 1–2 м. Кроме того, 400-килограммовая боевая часть ракеты уничтожит любой защищенный объект, а в противокорабельном варианте — потопит любой корабль размером с крейсер².

Но морским или наземным компонентами Вооруженных Сил России эта тенденция не ограничивается. «В авиации она проявляется в разворачивании (с определенными трудностями) но-

вого фронтового бомбардировщика СУ-34, способного применять высокоточное оружие в любых условиях, не входя в зону поражения ПВО противника (до 50 км)³, что, однако, меньше, чем зона поражения РАС-3 (150 км).

¹ Михайлов А. «Калибр» позволит российским подлодкам выбраться на сушу // Известия. 2012. 16 ноября. С. 3.

² Там же.

³ Там же.

Список военных систем США и России, которые можно рассматривать в качестве стратегических неядерных, не ограничивается только вооружениями. Высказываются справедливые мнения, что к ним нужно также относить обеспечивающие системы, включающие космические средства разведки и целеуказания, противоспутниковое оружие, ударные беспилотные аппараты и кибероружие. Действительно, информационные и управляющие системы сегодня играют решающую роль. Их важность отмечалась еще в те времена, когда разрабатывались меры по ограничению РЛС и военных действий в космосе. В будущем роль управления, в особенности управления ВКО, неизбежно должна стать предметом политических переговоров и договоренностей. Создание объединенной, а тем более единой системы ПВО, например, СНГ уже стало проблемой, которую не смогли решить 20 лет в рамках Содружества.

Но, с точки зрения переговоров с США, видимо, придется ограничиться какими-то отдельными системами ВВТ, имеющими наиболее дестабилизирующий характер. И совсем не обязательно, чтобы этот список рассматривался в контексте логики ограничения СНВ. «Очевидно, если российская сторона желает добиться прогресса в дальнейшем сокращении ядерных вооружений, то придется ограничить этот список, определив приоритеты. На данный момент создается впечатление, что в списке приоритетов только МБР и БРПЛ в неядерном оснащении, а также типы вооружений, которые разрабатываются в США в рамках программы «Быстрый глобальный удар»¹, — справедливо отмечают эксперты. Что, конечно же, не может являться долгосрочной перспективой. Нужно думать о неизбежности расширения предмета переговоров.

Но пока таких переговоров нет, необходимо понимать важность происходящих процессов в ВВТ и военном искус-

¹ Мясников Е. В. Сменщики «Сатаны» и «Минитмена» заступают на боевой пост // Независимая газета. 2012. 28 сентября / http://nvo.ng.ru/armament/2012-09-28/11_satan.html

Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений

стве, полагая, что процесс ограничения вооружений зависит преимущественно от того, насколько потенциальный противник может угрожать с помощью этих вооружений или передав такие вооружения своим партнерам по военно-политической коалиции. В этой связи одно из наиболее перспективных направлений — развитие евразийской интеграции в области ВКО, — которое может в реальности оказаться единственным средством давления в целях ограничения производства и размещения ВТО в Евразии.

Евразийская интеграция и стратегические неядерные вооружения

Третий президентский срок Владимира Путина привел к смене приоритетов в российской внешней политике, сделав ее главным ориентиром Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР). Новые амбиции Москвы стать центром Евразии путем ускоренной интеграции в АТР подтвердил саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) во Владивостоке. Однако вопрос о том, принесет ли новый тренд реальные дивиденды российской модернизации, остается открытым¹

С. Строкань

¹ Строкань С.
Евроокно в Азию /
Эл. СМИ «Коммерсант».
Укр. 2012. 12 августа /
<http://www.kommersant.ua>

Развитие стратегических неядерных вооружений уже превратилось в политическую проблему. Как показал опыт войны в Ливии и Ираке, страны, обладающие таким оружием, способны решать свои внешнеполитические задачи не прибегая к помощи мощных сухопутных армий или ядерному оружию.

Для государств Евразии, чья относительная неуязвимость характеризовалась в том числе удаленностью от побережья, массовое производство ВТО и средств управления привело к тому, что политический диктат стал вновь возможен. Если, конечно, эти страны не будут обладать современными средствами ПРО–ПВО.

Процесс евразийской интеграции встречает откровенно негативную реакцию со стороны США и ряда их союзников. Что совершенно понятно. Но этот процесс, особенно в области создания объединенной ВКО, — единственное средство для евразийских государств защититься от воздушно-космического нападения. Так, например, система С-300 способна эффективно уничтожать все существующие ЛА на любых высотах и на

расстоянии более 200 км. Она сегодня является единственной системой в мире превосходящей по своим характеристикам комплекс «Пэтриот».

Другая система — С-400 «Триумф», — которая разворачивается в настоящее время в ряде регионов России, обладает еще лучшими характеристиками. На подходе новая система — С-500, — которая будет способна уничтожать межконтинентальные баллистические ракеты. Иными словами, для того, чтобы «перекрыть» весь спектр возможных угроз — от ЛА, летящих на высотах в несколько метров до баллистических ракет — необходима система, объединяющая разные по своему назначению комплексы и, конечно, система обнаружения, сопровождения и наведения. Одному государству создать такой комплекс не под силу.

Таким образом евразийские государства оказываются перед выбором. Либо признать свою уязвимость от угрозы массированного воздушно-космического удара средствами ВТО и так или иначе подчиниться политическому давлению, либо создавать собственную или общую систему ВКО, гарантирующую от такой угрозы.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Перед таким выбором так или иначе будут стоять все страны, включая те, которые покупают системы ПРО–ПВО как у США, так и России. Обслуживание этих систем, подготовка кадров — та же самая зависимость. Но в случае с Россией эта зависимость превращается в сотрудничество, а в случае с США — переходит из зависимости во внешнюю управляемость. Как заметил заместитель руководителя «Рособоронэкспорта» В. Комардин, «Мы предлагаем индийским вооруженным силам нашу ЗРС большой дальности С-300ВМ („Антей-2500“)\», — уточнил Комардин, добавив при этом, что система ПВО в Индии построена на американских и израильских технологиях, поэтому России будет непросто победить. Вместе с тем замглавы «Рособоронэкспорта» подчеркнул, что Россия предлагает Индии комплексные системы.

Мобильная многоканальная зенитная ракетная система С-300ВМ («Антей-2500») предназначена для поражения со-

временных и перспективных самолетов тактической и стратегической авиации, в том числе выполненных с применением «стелс»-технологий, баллистических ракет средней дальности, оперативно-тактических и тактических ракет, аэробаллистических и крылатых ракет, а также самолетов радиолокационного дозора и наведения, разведывательно-ударных комплексов и барражирующих постановщиков помех¹.

Развитие интеграционных процессов в военно-политической области, в частности, создание евразийской ВКО, как главного элемента обеспечения региональной безопасности, зависит от готовности государств — участниц к тесному военно-политическому и военно-техническому сотрудничеству. Понятно, что степень такой готовности будет разная. И она во многом сегодня определяется интеграционными процессами в других областях. Что, конечно, совершенно неправильно. Так, в июле 2006 г. на неформальном саммите президент Казахстана выдвинул идею «разноскоростной интеграции», в соответствии с которой в СНГ может быть выделено ядро государств, готовых перейти от переговоров об условиях объединения непосредственно к самому объединению. Эта идея впервые была озвучена еще в 80-е годы XX века применительно к интеграции в рамках ЕЭС, но разница заключается в том, что в то время в ЕЭС уже были достигнуты результаты в военно-политической интеграции. Он предложил план реформирования Содружества, включающий пять направлений: миграционная политика, транспорт, образовательная система, вопросы борьбы с вызовами сегодняшнего дня и гуманитарная проблема.

Лидеры стран СНГ предложили расширить этот список, добавив в него вопрос о формировании единого подхода в международных вопросах и общего пространства в части оборонной политики.

Формирование Евразийского экономического союза Беларуси, Казахстана и России было объявлено в качестве главной

¹ Россия планирует участвовать в тендере на поставку в Индию систем ПВО / Цит. по: Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 7 февраля / <http://eurasian-defence.ru>

цели дальнейшего развития интеграции в Декларации о евразийской экономической интеграции, подписанной главами государств-членов Таможенного союза (ТС) 18 ноября 2011 года. Одновременно был подписан Договор о Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), которая призвана выполнять функции наднационального регулирующего органа ТС и Единого экономического пространства (ЕЭП).

Таким образом, на постсоветском пространстве сформировалось ядро интеграционных процессов, направленное на формирование Таможенного союза и Единого экономического пространства трех стран — Беларуси, Казахстана и России.

Углубление экономической интеграции на евразийском пространстве является стратегической целью на ближайшие два года. Стоит задача добиться полномасштабной реализации четырех свобод — движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы. Сегодня экономическая интеграция находится в фазе Таможенного союза, который заработал в полномасштабном формате с середины 2011 года. Это первая свобода — движения товаров. Но и в ней остаются достаточно серьезные секторальные и горизонтальные изъятия из свободы движения товаров: лекарственные средства, алкоголь, табак и огромный ряд других товаров, которые остаются в зоне национального регулирования.

С начала 2012 г. идет работа по формированию ЕЭП, по завершению которого в 2015 г. планируется перейти к следующему уровню интеграции — созданию евразийского экономического союза. Чтобы перейти к договору о евразийском экономическом союзе в период до 2015 г. необходимо завершить кодификацию норм ТС и ЕЭП (а это разработка 52 документов, дополняющих 17 базовых соглашений, которые сформировали основу ЕЭП) и формулирование новых задач углубления интеграции на ближайшую перспективу. Три указанных направления лежат в основе договора о евразийском экономическом союзе.

В идеале стыковка военно-политических подходов в сфере ВКО и текущих интеграционных процессов на постсоветском пространстве в сфере экономики могла бы осуществиться путем включения в проект договора о евразийском экономическом союзе общих принципов политического сотрудничества и положений о стремлении к координации политики обороны, как это было сделано в Едином европейском акте 1987 года. Но с учетом того, что указанный проект договора должен быть подготовлен правительствами Беларуси, Казахстана и России до 1 мая 2014 г. и пройти внутригосударственные процедуры до 1 января 2015 г., а общественной дискуссии по данному вопросу нет, сделать это будет крайне непросто.

Действительно в вопросе о дальнейшем развитии интеграции у Беларуси, Казахстана и России на данный момент нет согласованного подхода. Ни в Декларации о евразийской экономической интеграции 2011 г., ни в других документах, речь не идет даже о валютном союзе, не говоря уже о координации политики обороны и безопасности.

Разговор о тех границах интеграции, к которым готова подойти каждая из сторон, только предстоит. В условиях, когда работа над ЕЭП еще далека от завершения, такие предложения по дальнейшему углублению интеграции как выработка согласованной промышленной, аграрной, научно-технической политики или создание парламента ЕЭС, всячески пресекаются национальными правительствами и расцениваются как преждевременные. ЕЭП еще только будет дополнен функциями антимонопольного регулирования и контроля, согласования макроэкономической политики, гармонизации налоговых систем, регулирования ж/д перевозок и энергетического рынка. Также должны быть решены вопросы задачи расширения интеграционных процессов в отношении дальнейшего участия в них двух оставшихся членов ЕврАзЭС — Кыргызстана и Таджикистана.

При всех особенностях евразийской интеграции на современном этапе она идет в экономических рамках, которые заданы правилами ВТО. Для дальнейшего направления и углубления этого процесса необходима разработка и принятие единой стратегии развития, только в рамках которой возможно достижение синергетического эффекта интеграции.

В декабре 2012 года принято решение о создании объединенного командования ВКО. Пока что это важное решение скорее декларация о намерениях. Нужны весьма срочные, даже радикальные меры по военно-политической и военной интеграции. Причем во многом они будут зависеть от возможностей российского ОПК обеспечить новейшими ВВТ своих союзников. Между тем ставка на заимствование зарубежных технологий приводит к закономерным провалам. Так, как это случилось, например, с ГЛОНАСС, от которой «вежливо» отказываются союзники по СНГ. Причина — ненадежность тайваньских микросхем и сомнительные кадровые решения¹.

Теоретически, сложившаяся в ОДКБ к концу 2012 г. стратегия «кризисного реагирования» предусматривает коллективные действия для защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств-членов, а также совместные усилия по противодействию вызовам и угрозам и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Реализовать эту стратегию призваны Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР), решение о создании которых принято в феврале 2009 г. Но это только теоретически. Пока что дело ограничивается заявлениями, а КСОР остаются малоэффективным и неиспользуемым военным инструментом.

Процесс возрождения единого оборонного пространства ОДКБ при лидирующей роли России, как представляется, должен идти параллельно по трем направлениям: собственно военному, военно-политическому и военно-техническому. При этом необходимо учитывать, что основное преимущество РФ перед

¹ Мясников В.
Надежды Минобороны на ГЛОНАСС не оправдались // Независимая газета. 2012. 21 декабря. С. 1, 4.

США и их союзниками в Евразии состоит в том, что только у России существует реальная возможность в сжатые сроки наращивать группировки войск в западном и южном регионах, а также в регионе Центральной Азии. Это хорошо понимают, например, в Китае, который рассматривает в последние годы Россию в качестве главной стабилизирующей силы в Евразии, способной сдерживать американскую политику «управляемого хаоса».

Стратегия «управляемого хаоса» в Евразии — реальная политика США в Евразии, которая абсолютно не приемлет евразийскую интеграцию в любой ее форме, о чем недвусмысленно заявила Х. Клинтон в конце 2012 года. Эта стратегия дестабилизации политических режимов требует военно-силового обеспечения, которое (как показал опыт Афганистана и Ирака) отнюдь не ведет к окончательной победе или формированию дееспособных государств. Цель в другом — с помощью новейших систем ВТО угрожать политическому руководству этих стран, требуя от него соответствующих действий, а в случае неудачи — использовать оружие непосредственно. Поэтому, когда говорят о «провале» политики США в Афганистане и Ираке, имея в виду стабилизацию обстановки, то надо полагать, что это не являлось главной целью США. Целью была дестабилизация и хаос. При этих условиях США, инвестируя не в инфраструктурные проекты, а в дестабилизацию, получают искомый результат.

Публично, конечно, об этом говорится мало. В официальных документах такие цели замаскированы и носят скрытый характер.

Военное направление возрождения единого оборонного пространства ОДКБ в силу объективных причин распадается на три относительно автономные региональные направления: восточноевропейское (Россия — Белоруссия), кавказское (Россия — Армения) и центральноазиатское (Россия — страны бывшей Средней Азии и Казахстан). При этом возрождение единого оборонного пространства возможно в несколько этапов¹.

¹ Захаров В. Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8.

Евразия и стратегические неядерные вооружения

Без всякой иронии мы должны быть признательны
и США, и ЕС ... за честное и не слишком запоздалое
раскрытие карт, за прекращение затянувшегося спектакля
под названием «К России — с любовью...»¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

¹ Торкунов А. В.
По дороге в будущее.
М.: Аспект Пресс, 2010.
С. 198.

Геополитически, Евразия всю свою новейшую историю находилась вне угрозы массированного использования неядерных вооружений. После многочисленных войн, в ядерную эпоху, она оказалась относительно неуязвимой: вооруженные конфликты второй половины XX века показали (Корея, Вьетнам, Афганистан), что великие державы далеко не всегда могут использовать свое могущество в Евразии.

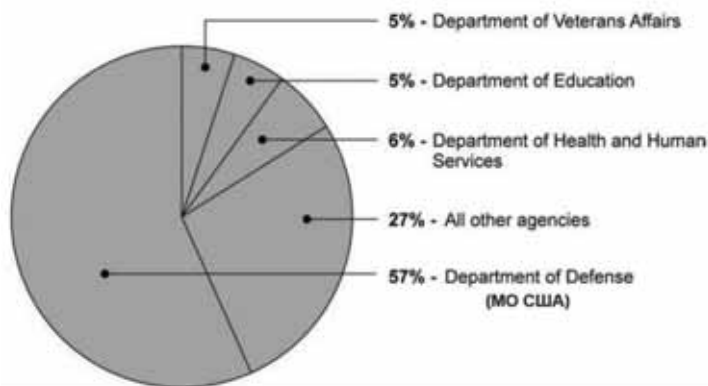

Ситуация стала радикально меняться в XXI веке, когда в массовом порядке стало распространяться неядерное ВТО, способное решать стратегические задачи. Политически — как это было в Югославии, Ираке, Ливии — это означало, что у великих держав появилась эффективная возможность использования военной силы. Что немедленно отразилось на структуре государственного бюджета США.

Отдельно существует проблема организации совместного противодействия государствам Евразии стратегическим неядерным вооружениям, развертываемым США вблизи континента и на его территории.

В концепции военного строительства США формально декларируется отказ от многолетней позиции, в соответствии с которой американская армия должна была быть способна вести две крупные войны одновременно. В настоящее время ставится другая цель — борьбы и сдерживания, т.е. участие в одном крупном конфликте при одновременном сдерживании на другом стратегическом направлении как максимум. Согласно новой стратегии, США планируют как можно дольше кооперировать с союзническими и коалиционными силами. При этом необходимо значительно сократить наземные

**Сравнение бюджетных полномочий МО США
с полномочиями других федеральных агентств**

¹ Statement of Asif A. Khan, Director Financial Management and Assurance. Challenges in Attaining Audit Readiness and Improving Business Processes and Systems. GAO-12-642T, April 18, 2012. DOD Financial Management / <http://www.gao.gov/assets/600/590203.pdf>

войска и больше полагаться на потенциал авиации и флота, чтобы сдерживать Китай или таких противников, как Иран или Северная Корея. Сокращение армии требует и менее интенсивного военного присутствия в Европе. В то же время США перенесут центр тяжести военной силы в АТР, а их присутствие на Ближнем Востоке сохранится столь же значительным. Военно-силовой приоритет государства хорошо иллюстрирует распределение федерального бюджета США по основным направлениям, среди которых на МО США приходится более 57% расходов.

В стратегии дестабилизации Евразии огромная роль принадлежит неядерным стратегическим вооружениям. С точки зрения воздушно-космических средств нападения и обороны следует отметить появление двух новых принципиальных моментов.

Во-первых, воздушно-космическое пространство фактически уже превратилось в единую область для ведения боевых действий от высот в несколько десятков метров до сотен километров. Сегодня крайне трудно, если вообще возможно, выделить зоны ответственности ПРО и ПВО как по высоте обнаружения и сопровождения целей, так и по возможностям их поражения. Это неизбежно ведет к появлению новых видов и систем оружия, «расширению» военного соперничества на новые области, а также к разработке новых способов ведения боевых действий. Так, в США много внимания уделялось развитию беспилотников, тогда, как в России эти программы оказались в забвении. Теперь и в нашей стране создан специальный центр беспилотных программ, который должен определить перспективы этих систем оружия на ближайшие три года¹.

¹ Центр беспилотных программ Генштаба РФ определит повестку на три года / 26 декабря 2012 г. / <http://eurasian-defence.ru>

Применительно к государствам Евразии это означает, что прежний «войсковой» подход развития ВВТ стал малоэффективным. Для защиты требуется комплекс средств, которыми большинство государств Евразии в принципе обладать не могут, — от космических систем до систем ПВО–ПРО ближней, средней и большой дальности. Причем интегрированных в единую систему. И не только территории страны, но ряда стран.

Это возможно только при тесной кооперации нескольких государств Евразии, причем не только военно-политической, но и военно-технической.

Во-вторых, удешевление и совершенствование ВТО и ЛА создало качественно новую ситуацию, когда КР, ГЗЛА, беспилотники и другие неядерные вооружения фактически превратились в часть стратегического наступательного потенциала, которому невозможно пока что противопоставить эффективные средства ВКО. Ответ на нападение с помощью этих средств, используя встречно-ответный удар СЯС, становится неизбежным, что требует ясного оформления в Военной доктрине России, Концепции национальной безопасности и Концепции внешней политики страны.

Но это же справедливо и для других евразийских государств, включая те, у кого есть ядерные силы сдерживания. Непонятно, например, как будет вести себя Китай, если оценки некоторых экспертов свидетельствуют, что с помощью ВТО в неядерном оснащении может быть уничтожено 100% стратегических целей страны.

Тем более ситуация становится практически безвыходной для других государств. Опыт Ливии показал, что достаточно нескольких дней, чтобы дезорганизовать сопротивление и уничтожить потенциал обороны.

Перспективы развития средств поражения и информационных средств воздействия таковы, что следует ожидать уже

в самом ближайшем будущем радикальных изменений во всем балансе стратегических (ядерных) сил и средств, а также роли РВСН страны. Между тем в России сохраняется убеждение, что модернизация СЯС приведет к сохранению ракетно-ядерного паритета. Создание новых и модернизация комплексов МБР, БРПЛ и ТБ вряд ли сможет гарантировать эффективную защиту от сотен тысяч единиц ВТО, используемых с разных, практически всех, стратегических направлений. Тем более, что подлетное время таких средств все время сокращается, точность увеличивается, а координация между ними совершенствуется. Можно представить себе авианалет, в котором участвуют десятки (сотни) тысяч ударных беспилотников, гиперзвуковых и крылатых ракет, уничтожающий все стратегические цели на нашей территории. Некоторые расчеты экспертов показывают, что даже защищенные ШПУ МБР уже не являются неуязвимыми.

Кроме того, следует очень внимательно отслеживать эволюцию НИОКР, создания и развития неядерных высокоточных вооружений, концепций их использования и распространения в другие регионы планеты. Во многом это вносит и существенные коррективы в планы развертывания систем ВКО России и концепции их использования. Но не только. Похоже, что постсоветские государства слишком увлеклись своей многовекторной политикой и балансированием между различными центрами силы, не осознавая, что в конечном счете им придется все-таки определяться с приоритетами. В том числе и в военной области, прежде всего в области новейших обычных вооружений. Это политический выбор, который должны сделать все страны Евразии. В том числе, как справедливо считают эксперты, и по формированию консенсуса относительно политики в отношении США, Китая и Евросоюза¹.

Объективно возникает и вопрос о переговорах по ограничению неядерных вооружений не только в Европе, но и в Ев-

¹ Ястремский А.М. Интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы // Мир и политика. 2012. № 10 (73). С. 103.

разии, несмотря на всю трудность этой проблемы. Следует напомнить, что еще при подписании Договора ДОВСЕ¹ в его мандате подчеркивалась важность сохранения стабильности, ликвидации потенциала для внезапного нападения². Во втором десятилетии XXI века именно опасность внезапного и массированного нападения с помощью ВТО становится политической реальностью, которую необходимо перестать игнорировать. Во всяком случае эта проблема должна быть сформулирована и поставлена в повестку дня.

Потенциальная опасность непосредственного использования военной силы с помощью новейшего ВТО растет и со стороны быстро развивающихся государств. Это хорошо видно из данных, иллюстрирующих закупки вооружений. Причем КНР, например, всего лишь за 10 лет превратилась из крупнейшего импортера В и ВТ в производителя и экспортера, что хорошо видно из данных СИПРИ. Кроме того, стремительно растет импорт В и ВТ Индии, Южной Кореи, Пакистана, Турции и ряда других государств³. В целом военные расходы этих стран за 10 лет удвоились, а новые технологии стали фактически общедоступными.

ВТО стремительно расползается по всему миру, делая потенциальные конфликты более реальными и быстротекущими. От ВТО и систем ПРО–ПВО сегодня зависит уже не только ход военных действий, но и в конечном счете суверенитет государств. Это имеет глубокие политические последствия.

Во-первых, государства попадают в серьезную политическую и военно-техническую зависимость от поставщиков новейших ВТО и систем ВКО, которые могут диктовать уже в мирное время им свою волю. Эти системы стали одним из главных предметов политических переговоров, по-своему формируя повестку для них даже на высшем уровне.

Во-вторых, поставки этих систем становятся средством политического давления или условием развития двусторонних

¹ Договор об ограничении обычных в вооруженных силах и вооружений в Европе был подписан 19 ноября 1990 года в Париже 6 участниками / Варшавского Договора и 16 государствами НАТО. Вступил в силу 9 ноября 1992 г.

² Антонов А. И., Аюмов Р. Контроль над обычными вооружениями в Европе — конец режима или история с продолжением? / Научные записки ПИР-центр. 2012. № 1 (27). С. 9.

³ Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 345.

Евразийская воздушно-космическая оборона

Поставщики основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Получатель	Объем экспорта (значение показателя тренда)						Доля в %, 2005– 2009
			2005	2006	2007	2008	2009	2005– 2009	
1	1	США	6600	7394	7658	6093	6795	34539	30
2	2	Россия	5321	6156	5243	6026	4469	27216	23
3	3	Германия	1875	2510	3002	2499	2473	12359	11
4	4	Франция	1633	1577	2342	1831	1851	9234	8
5	5	Велико- британия	915	808	987	1027	1024	4762	4
6	6	Нидерланды	583	1221	1322	554	608	4288	4
7	7	Италия	743	525	706	424	588	2986	3

отношений. Так, давление США привело к отказу от поставок Сирии С-300, а размещение ЗРК «Пэтриот» в Турции — начало политическую поддержку «повстанцам».

В-третьих, наличие или отсутствие систем ВТО и ВКО решающим образом влияет на соотношение военных сил в любом регионе планеты, заведомо предопределяя способность той или иной страны сохранить свой суверенитет.

Сказанное имеет непосредственное отношение к евразийской интеграции и ЕвразВКО: интеграция в области ВКО становится гарантией суверенитета и независимости государства, освобождая его от внешнего враждебного влияния. Именно это обстоятельство делает проблему ЕвразВКО одной из наиболее важных политических проблем евразийской интеграции.

Как видно из таблицы, экспортеры вооружений (кроме России) — такие государства, как США, Франция,

Получатели основных видов обычных вооружений в 2005–2009 гг.

Ранг, 2005– 2009	Ранг, 2004– 2008	Получатель	Объем импорта (значение показателя тренда)					Доля в %, 2005–2009	
			2005	2006	2007	2008	2009		
1	1	Китай	3511	3831	1474	1481	595	10892	9
2	2	Индия	1036	1257	2179	1810	2116	8398	7
3	4	Южная Корея	686	1650	1758	1821	1172	7087	6
4	3	ОАЭ	2198	2026	938	748	604	6514	6
5	5	Греция	389	598	1796	563	1269	4615	4
6	6	Израиль	1113	1117	859	665	158	3912	3
7	14	Сингапур	543	52	368	1123	1729	3816	3
8	7	США	501	581	731	808	831	3453	3
9	11	Алжир	156	308	471	1518	942	3394	3
10	13	Пакистан	332	262	613	939	1146	3292	3
11	10	Турция	1005	422	585	578	675	3264	3
12	23	Малайзия	51	410	546	541	1494	3041	3

Германия, Великобритания, Нидерланды, Италия, Испания, др. контролируют более 60% мирового экспорта В и ВТ, фактически устанавливая на этом рынке свои правила игры и определяя условия безопасности¹. При этом на рынке ВТО, безусловно, доминируют США, а также их союзники — Германия, Франция и Великобритания, чья доля в экспорте вооружений к 2013 году увеличилась по некоторым оценкам до 80%. Россия, как один из крупнейших экспортеров, мало присутствует на рынке ВТО.

Говоря сегодня о евразийской интеграции, следует иметь в виду, что наиболее важная и перспективная ее область —

¹ Ежегодник СИПРИ. 2010. Вооружения, разоружение и международная безопасность. М.: ИМЭМО РАН, 2011. С. 349.

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

сотрудничество в создании и совместном производстве неядерных (прежде всего стратегических) вооружений и систем ВКО — остается в тени. Точнее, явно недооценивается. И политически, и военно-технически. Совместная деятельность в этой области неизбежно будет иметь следующие последствия для евразийских государств:

- укрепление их суверенитета;
- развитие фундаментальной науки и НИОКР, включая гражданские области;
- освобождение от технологической зависимости;
- создание общей научно-образовательной и производственной базы.

Поэтому будущее место ВТО и ВКО в евразийской интеграции будет зависеть во многом от адекватности в понимании правящими элитами государств значения этих систем ВВТ для их безопасности, суверенитета и социально-экономического развития. Полномасштабное военно-политическое и военно-техническое сотрудничество имеет огромные перспективы и позитивные последствия, но для этого надо выйти за рамки только экономических и правовых аспектов интеграции, которые сегодня по сути дела сконцентрировали на себе внимание всего дискурса.

На мой взгляд, необходимо решительнее выходить на обсуждение этой темы в самых разных аудиториях и на разных уровнях, не боясь критики определенной части элит в «империализме», «возврату к СССР» и т.д. Эта критика — и в России, и в СНГ, и в других странах Евразии — будет неизбежной как следствие эгоизма национальных элит, так и как результат давления извне.

10.

**Практическая реализация
идеи евразийской ВКО**

На всем протяжении XVII–XVIII вв. именно Россия «втягивала» восточные вопросы в европейскую политику¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Уже к 2015 г. ... США планируют развернуть в рамках своей системы ПРО около 900 ракет — перехватчиков баллистических ракет²

*Л. Калашников,
1-й заместитель КМД Госдумы РФ*

В 2012 году четко обозначились две геополитические тенденции, от развития которых будет зависеть перспектива создания евразийской ВКО. С одной стороны, это интеграция, сочетание взаимных интересов и ценностей евразийских государств — от Белоруссии до Китая и даже от стран Западной Европы до Юго-Восточной Азии как в области экономики, безопасности, экологии, так и в других областях. Эта тенденция, очевидно, развивается не только исходя из общеэкономических, но и из военно-политических реалий и интересов, которые не всегда заметны и публично обсуждаются.

С другой стороны, четко обозначилась и позиция США и их союзников по отношению к этим процессам, озвученная Х. Клинтон в декабре 2012 года. Она заключается в том, что США сделают всё, чтобы замедлить или недопустить этот процесс. Ее позиция была категорична до предела: «Нет разницы, как это называется... Мы знаем, какова цель, и мы попытаемся найти эффективные способы замедлить или предотвратить это»³.

Аналогичны выступления по этой проблеме и других западных политиков, которые отражают в целом доминирующую в США и ряде стран Западной Европы и структурах Евросоюза точку зрения. Противоборство разных групп правящих элит по этому вопросу во многом будет предопределять перспективы евразийской интеграции, что очень наглядно проявляется в последние годы на примере Украины.

¹ Торкунов А. В. Россия в системе международных отношений (ретроспективный взгляд) // Вестник МГИМО(У). 2012. № 5 (26). С. 47.

² Калашников Л. Повестка дня саммита НАТО в Чикаго: место России в планах альянса / В сб.: НАТО: мифы и реальность. Урока для России и мира. М.: Кучково поле. 2012. С. 35.

³ Чувакин О. Евразийский союз: взгляд в будущее // Военное обозрение. 2012. 30 декабря / <http://topwar.ru>

Способность элит евразийских государств реализовать геополитический проект

К сожалению, сами евразийские государства слишком увлеклись «многовекторностью» своей политики, лавируя и пытаясь извлечь максимальную выгоду из происходящих в Евразии турбулентных процессов. Даже один из авторов евразийской идеи и интеграции в ее современной интерпретации Н. Назарбаев, озвучивая стратегию «Казахстан–2050», обозначил перспективу для своей страны как «отдельно взятого государства вне конъюнктуры блоков, союзов, объединений»¹. Очевидное противоречие между идеей евразийской интеграции и заявлением о том, что страна будет «вне конъюнктуры ... объединений» — налицо.

Таким образом, в ближайшие годы практическая реализация идеи коллективной обороны Евразии и создание объединенной ВКО будет зависеть от того, насколько одна из тенденций станет преобладающей в самих государствах Евразии. Победит ли вновь эгоизм и недальновидность национальных элит, либо они признают реалии и наконец-то выберут ясный курс на интеграцию и создание евразийской системы безопасности. Это касается в том числе и России, где достаточно сил, которые не хотели бы реализации этого проекта, и которые активизируются по мере его продвижения.

В конечном счете все будет зависеть от способности национальных элит адекватно оценить те коренные изменения, которые произошли в последние десятилетия в мире, характере, способах и средствах использования военной силы. И прежде всего с точки зрения «социализации» войны, превращения ее из инструмента политики, направленного про-

¹ Противоречивый Назарбаев // Военное обозрение. 2012. 29 декабря / <http://topwar.ru>

тив государства, в инструмент, направленный против нации и общества. Некоторое представление об этих изменениях дают оценки экспертов¹.

Сравнение некоторых характеристик
прежних и будущих войн и конфликтов

¹ Вооруженные Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы / под ред. И. Коротченко. М.: Национальная оборона, 2010. С. 34.

Характеристики	Прежние войны и конфликты	Войны и конфликты будущего
Восприятие угрозы	Агрессия, ядерная война	Широкий спектр угроз
Основные субъекты	Государства и их коалиции	Государства и негосударственные структуры. Коалиции создаются для решения краткосрочных задач
Пространственный размах военных действий	Ограниченный, локальный	Глобальный. Завершение трансформации традиционного поля боя в боевое пространство
Основное содержание и цель военных действий	Разгром вооруженных сил противника, захват его территории	Дезорганизация государства и общества, подрыв боеспособности вооруженных сил, смена политического режима
Приоритетные объекты поражения	Личный состав вооруженных сил, вооружение и военная техника	Системы государственного и военного управления, критические объекты инфраструктуры
Роль армии в нейтрализации угроз	Нейтрализация военных угроз	Армия — целостный универсальный военно-силовой инструмент
Основной компонент военной силы	Массовые армии	Относительно небольшие профессиональные армии, негосударственные вооруженные формирования
Основные функции военнослужащего	боец, менеджер, техник	боец, полицейский, дипломат, социальный работник
Численность гражданского персонала в армии	низкая	высокая
Роль гражданского компонента в войнах и конфликтах	низкая	высокая

Исторически Россия являлась многие века тем политическим игроком, который неизбежно оказывался в эпицентре отношений Европы и Азии на всем евразийском континенте. И сегодня в противовес опасной и дестабилизирующей политики США, необходимо предложить ясную политическую инициативу, перспективную с точки зрения безопасности для всех государств, включая членов НАТО. «Нам обязательно нужен свой геополитический проект, на базе которого станет возможным построение российского „центра силы“ и геополитического пространства вокруг него»¹, — считает генерал-полковник Л. Ивашов. И таким проектом может стать ЕвразВКО.

Именно «геополитический проект», способный объединить в интересах безопасности многие страны Евразии, которые сегодня разъединены. Так же, как в свое время объединились страны Евросоюза именно на военно-политической основе.

Сегодня страны Евразии не просто разобщены. Они нередко угрожают друг другу, а иногда даже вступают в военные конфликты. И им — всем вместе — угрожают извне. Причем использование высокоточных воздушно-космических вооружений может реально превратить их в объект прямой угрозы и шантажа уже в среднесрочной перспективе.

Достаточно посмотреть на карту, на которой видно, что США и относительно благополучная западная европейская часть Евразии сегодня могут доминировать не только в Европе, но и в Азии. Ровно так же, как это происходит сегодня в Афганистане и Ираке: Иран, страны Средней Азии, государства Юго-Восточной Азии — первые потенциальные объекты для политического шантажа и прямого использования военной силы — воздушно-космического нападения с помощью ВТО.

Из этого списка отнюдь не выпадают и Россия, и Казахстан. Скорее даже именно Казахстан может стать одной из первых стран, которые, следуя западной логике, подвергнутся поли-

¹ Ивашов Л.
Геополитика
и проблема
«геополитического
одиначества» //
Мир и политика. 2012.
№ 4. С. 12.

тическому давлению и, возможно, нападению. Именно из-за ключевой геополитической роли страны в Евразии.

Учитывая ту приоритетную роль, которую приобрели в последние годы средства воздушно-космического нападения и обороны, можно предположить, что именно они станут тем реальным политическим и военным инструментом, который будет обеспечивать геополитические интересы Запада в Евразии. Именно поэтому объединенная система ВКО становится по сути единственным средством, способным нейтрализовать подобные амбиции. Соответственно именно поэтому задача создания евразийской ВКО становится самой приоритетной.

Понимая все политические, военные и технологические трудности, неизбежно вытекающие из постановки этой задачи, можно полагать, что только адекватность правящих элит в осознании реальности угрозы и необходимости её противодействия может стать той основой, на которой будет реализована идея евразийской ВКО. На трудностях ее создания следует остановиться подробнее, оставляя за скобками внимания смежные проблемы — КВ, СЦВ, системы управления вооруженными силами, — которые, конечно же, имеют важное значение.

Трудности в создании евразийской ВКО

Решение любой крупной задачи неизбежно сопровождается известными и неизвестными, возникающими как в процессе ее постановки, так и реализации, трудностями и проблемами. Важно сформулировать политическую цель, наметить сроки и выделить ресурсы, а не исходить изначально из невозможности решения такой задачи.

Есть и другая точка зрения, которой, например, придерживается сотрудник Института США и Канады М. Старчак. Он выдвигает следующие аргументы, чья суть, по его мнению, «ставит под сомнение создание эффективной ЕС ПВО ЦА»¹. Приведем их коротко, хотя их перечень, в целом, отражает спектр аргументов противников создания объединенной ВКО.

Аргумент № 1. Системы ПВО стран ЦА давно морально и физически устарели.

¹ Старчак М. В.
Единая система ПВО
Центральной Азии:
проблемы создания.
2012. 26 декабря /
[http://eurasian-
defence.ru](http://eurasian-defence.ru)

Действительно, это так, но создание ЕвразВКО предполагает изначально не использование устаревших вооружений, а оснащение всей Объединенной системы ПВО СНГ (а, возможно, и других стран) новыми системами оружия российского производства. Других просто нет. И в ближайшие годы не будет. Проблема устаревших средств ВКО характерна для всех евразийских стран, включая Россию, но это не непреодолимая проблема ни для России, ни, тем более, для ее потенциальных союзников. Она вполне может быть решена поэтапно, в течение 7–10 лет.

Аргумент № 2. Финансовый. Никто, кроме Белоруссии, пока средств на создание ОС не выделяет. Но, во-первых, это только пока, а, во-вторых, создание таких систем и подготовка специалистов выгодны России. И нашей стране — надо отчетливо это понимать — придется за это платить. Тем более, что масштабы возможного участия других стран крошечные. Они не являются и не будут являться реальным финансовым источником, хотя перспектива участия в евразийской ВКО не исключает такие мощные экономики как экономики стран Китая, Индии и стран Евросоюза. Тем более не исключается новый уровень ВТС в области ВКО..

Аргумент № 3. Поддержание боеготовности. По сути аналогичен второму. Здесь не надо также питать иллюзий — запчастей и модернизация будут проводиться Россией, преимущественно за счет аренды военных объектов, на которых будут устанавливаться системы, обеспечивающие безопасность в том числе и России.

Аргумент № 4. Позиция Узбекистана. Эта позиция будет зависеть во многом от России, а надежность этой страны — от позиции руководства страны. Проблема, конечно, есть, но ровно такие же проблемы есть и всегда будут и у других стран. Их надо и можно решать.

Аргумент № 5. Необходимость кардинального перевооружения национальных систем ПРО СНГ на современные ЗРС

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

и ЗРК, что в условиях ограниченных финансовых ресурсов государств СНГ потребует значительных временных затрат. Действительно, для создания ВКО Евразии потребуется какое-то время. Но, во-первых, этот процесс будет проходить поэтапно (как, впрочем, он проходит и в США), создавая на каждом из этапов новые возможности обороны. Во-вторых, можно прогнозировать, что глобальная ПРО США будет создана к 2023–2025 годам, а региональные системы ПРО на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии до тех пор не смогут гарантировать безопасность при попытке нанести первый удар.

Аргумент № 6. Военное обоснование ЕС ПВО Центральной Азии — оценка угрозы, которая сводится только к Ирану и Китаю, не соответствует действительности. Средства нападения могут использоваться со всех стратегических направлений, где расположены СЯС США или стратегические неядерные вооружения США и их союзников — от Пакистана и Японии до морского компонента на севере и северо-западе.

Неизбежность военно-политической интеграции и нового уровня ВТС в Евразии

Думается, что пространственный охват системы евразийской безопасности не должен ограничиваться созданием единой системы ВКО России, Белоруссии и Казахстана, что уже представляется реальностью с подписанием соответствующих соглашений по объединенной ПВО и намерениями подписать аналогичные соглашения с Арменией, Киргизией, Таджикистаном и, возможно, Узбекистаном (пока что с последним государством приостановлена работа над документами по единой ПВО Центрально-Азиатского региона)¹. Таким образом, в практическую плоскость постепенно переходит решение вопроса о создании объединенной ПВО, который в дальнейшем может быть продвинут до создания единой системы ВКО — (ПРО и ПВО) ряда евразийских государств.

Следовательно вполне возможно уже сегодня перейти от декларации об объединенной ПВО СНГ к созданию единой (или на первом этапе — объединенной) системы ВКО стран СНГ. Это выглядит вполне логичным. Как уже говорилось, границы между воздушным и космическим пространством с военной точки зрения условны. Они будут ещё более условными с появлением у третьих стран высокоточных неядерных СКР, ГЗЛА и ударных БПЛА, способных выполнять стратегические функции, в т.ч. нанесение ударов по политико-административным целям. И правящие элиты евразийских государств должны это понять.

Речь идет фактически о том, чтобы предотвратить дальнейшее развитие ситуации в Евразии в дестабилизирующем

¹ Президент России поручил подписать соглашение с Казахстаном о единой системе ПВО/Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2012. 6 ноября / <http://eurasian-defence.ru>

направлении, чревато новыми военными конфликтами, создать зону стабильности на континенте. Ее основой может стать единая система ВКО Евразии, которая могла бы гарантировать с военно-технической точки зрения такую стабильность. Зона стабильности Евразии может стать первым шагом в открытом для всех евразийских стран проекте обеспечения безопасности. В противном случае произойдет сначала разделение, а затем и противопоставление территорий безопасности, как это произошло де-факто в ОБСЕ. Например, на европейскую и центральноазиатскую. Это — политическая сторона проблемы. Понятно, что именно дестабилизации в Евразии хотят США. Но кроме них этого же хотят и некоторые представители национальных элит, для которых такая дестабилизация означает возможность захвата политической власти.

Другая сторона проблемы создания объединенной ВКО Евразии заключается в том, что создание многих ее компонентов не под силу — экономически и технологически — одному государству. Например, создание замкнутого радиолокационного поля раннего предупреждения о ракетном нападении (ПРН) и ВКО. В России, например, нынешняя система ПРН построена

Практическая реализация идеи евразийской ВКО

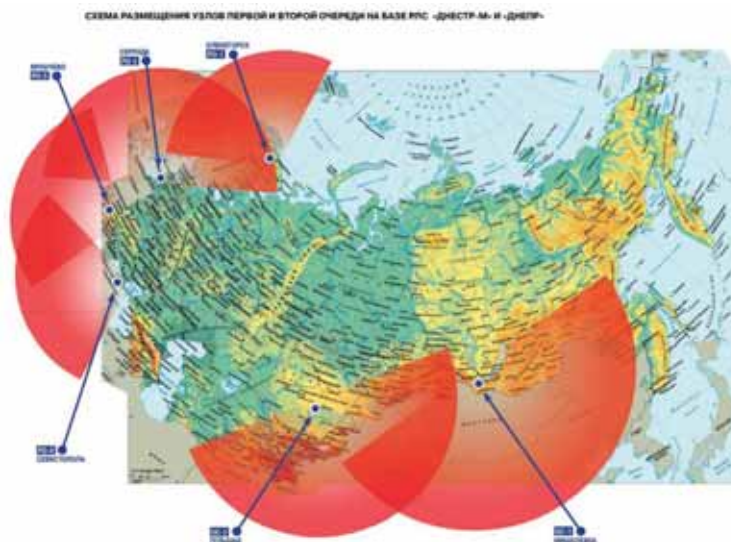
из двух эшелонов — группировки спутников раннего предупреждения и наземных сверхмощных надгоризонтных радиолокационных станциях. «Космический эшелон ПРН был введён в эксплуатацию относительно недавно. Первая серия спутников наблюдения за местами пусков на территории противника начала работу с 1982 года и окончательно сформирована запуском девятого космического аппарата только в 1987 году. Система имеет название «Око». В дополнение к ней, с 1991 года реализовывалась программа «Око-1», которая позволяла вести наблюдение не только за стартовыми площадками на территории противника, но и за всеми потенциально опасными районами суши и мирового океана. Технические возможности спутников второй серии существенно выше, чем у первого поколения. Для обновления группировки с 2001 по 2008 годы запущено четыре новых спутника системы ПРН. Дальнейшее развитие первого эшелона ПРН будет строиться на принципиально новых платформах космического базирования.

Система наземных радиолокационных станций ПРН имеет более давнюю историю. Первые загоризонтные РЛС типа «Днестр-М» и «Днепр» были построены ещё в 60-х годах прошлого века. В 1970-х их дополнили РЛС противоракетной обороны Москвы типа «Дунай», интегрированные в общую систему. В 1980-х годах для противодействия стратегическим крылатым ракетам и средствам нападения, выполненным по технологии «Стелс», в районах городов Печора и Габала были возведены станции нового поколения, типа «Дарьял»¹, — отмечает А. Горбенко.

¹ Горбенко А. Новости воздушно-космической, противоракетной и противовоздушной обороны. 15 мая 2012 / Эл. ресурс: <http://www.odnako.org>

Евразийская воздушно-космическая оборона

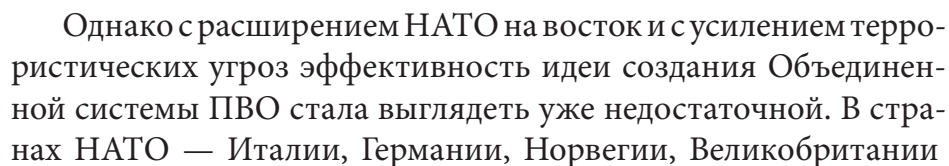
Модернизации средств ПРН уделяется особое внимание, в том числе и созданию принципиально новых, например, оптико-электронных средств. Однако все они требуют огромных экономических и материальных затрат, на которые пока что способны только США и Россия. Очевидно, что отдельные евразийские государства еще долго не смогут создать нечто подобное. Китай только приступил к решению задачи.

Проблема сотрудничества в области ВКО между евразийскими государствами становится особенно актуальной, если перспектива ограничения СНВ и обычных вооружений окажется под вопросом¹. Что вполне реально.

Предполагается, что концепция евразийской ВКО может быть реализована поэтапно, через развитие политического и военно-технического сотрудничества, открытого для всех евразийских государств (включая страны Евросоюза, Иран, КНДР). При этом, «неожиданно» интерес к такому сотрудничеству могут проявить Вьетнам, Мьянма, да и другие государства Евразии. Пока что только Россия, Белоруссия и Казахстан подписали Договор о создании Единой системы ПВО, хотя Объеди-

¹ Новикова Д. О.
Создание общеевропейской системы ПРО и перспективы участия в ней России в оценках западных политиков и аналитиков / Эл. ресурс «Евразийская оборона». 28 октября 2012 г. / <http://eurasian-defence.ru>

¹ Две системы ПВО
в одних руках.
Эл. ресурс «Евразия» /
<http://eurasia.org>

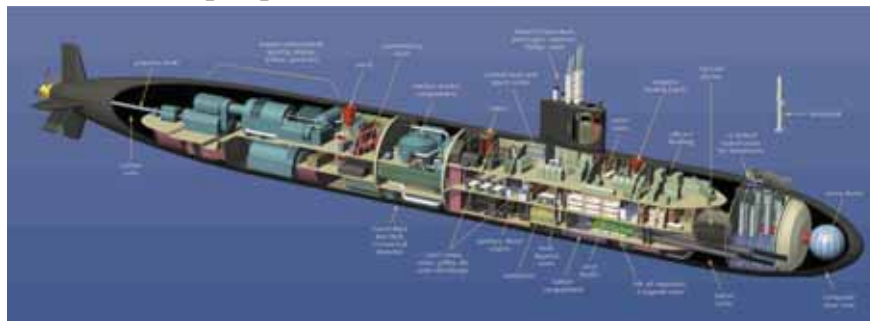

Евразийская воздушно-космическая оборона

и Турции, — например, находится от 200 до 400 американских атомных бомб свободного падения В-61. Подвешенные под фюзеляж F-16, они могут представлять для Белоруссии и России серьезную угрозу. Так, от Шауляя до Минска истребителю лететь не более 5–6 минут, до Смоленска и Москвы чуть больше — 10–15 минут. Это требует быстрой реакции. В любом случае решение о прекращении такого полета надо принимать быстро, из единого центра.

Массированное развертывание СКР морского базирования по периметру евразийских государств — другая потенциальная угроза. Замена БРПЛ на КР МБ означает, что вместо 20–22 баллистических ракет на одной ПЛАРБ размещается до 154 высокоточных СКР, способных выполнять по сути те же задачи. Использование КР против Ирака и Ливии именно с подводных лодок показало, что их эффективность с точки зрения уничтожения приоритетных объектов очень высока.

Наконец, развертывание США и их союзниками региональных систем ПВО и ПРО от Европы до Юго-Восточной Азии свидетельствует о том, что вокруг Евразии складывается по сути глобальная система ПРО, способная защитить нападающего от ответного удара.

Думается, что развитие стратегического наступательного потенциала не является достаточным средством для нейтрализации этих усилий. И программы развития СНВ России, Китая и Индии предполагают «традиционно-асимметричный» ответ — создание МБР с разделяющимися боеголовками различных типов. Однако вряд ли стоит рассчитывать, что этого будет достаточно. **Необходим более диверсифицированный потенциал стратегической обороны.**

Говоря о «ЕвразВКО», следует иметь в виду именно объединенную, а не единую систему ВКО, которой вряд ли пока возможно управлять из единого центра, но которая может объединить многие функции национальных систем ПВО и ПРО (если говорить о Китае, Индии и некоторых других странах). Сотрудничество в области ВКО между странами ОДКБ вполне укладывается, например, в уже принятый мандат Межгосударственной комиссии по военно-экономическому сотрудничеству (МКВЭС) стран ОДКБ, который предполагал еще в 2010 году развитие следующих направлений, которые могут стать основой сотрудничества в области ВКО:

- формирование оптимальной, в формате ОДКБ, системы совместных предприятий по разработке, производству, модернизации, ремонту и утилизации ПВН, с всесторонней отработкой механизма их деятельности, в том числе и контроля, как в формате Организации, так и при выходе на внешний рынок вооружений;
- создание нормативной правовой базы, обеспечивающей единые принципы и правила взаимодействия по всем аспектам ВЭС;

- проведение согласованной политики по унификации и стандартизации образцов вооружения и военной техники;
- переход к долгосрочному планированию военно-экономического и военно-технического сотрудничества¹.

¹ Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству ОДКБ / Эл. ресурс «ОДКБ» / <http://www.odkb-csto.org/>

Таким образом, существует принципиальное понимание об основных направлениях военного сотрудничества, которое, однако, удивительно медленно трансформируется в реальные программы. В частности, только осенью 2012 года на X заседании МКВЭС в Астане представители России, Белоруссии, Казахстана, Таджикистана и Киргизии рассмотрели «проекты перечня предприятий и организаций, специализацию которых целесообразно сохранить в интересах военно-экономического сотрудничества государств-членов ОДКБ и Программы военно-экономического сотрудничества государств-членов ОДКБ на период до 2015 года и дальнейшую перспективу.

Предполагалось также, что в ходе заседания будут обсуждены вопросы стандартизации оборонной продукции, создания межгосударственной системы каталогизации предметов снабжения вооруженных сил государств-членов ОДКБ, совершенствования механизма поставок продукции военного назначения, развития интеграции предприятий боеприпасных отраслей промышленности и другие»².

Похоже, что ОДКБ повторяет путь, по которому гораздо быстрее двигалось НАТО в 60-е и 70-е годы XX века. Нужен ли именно этот вариант развития отношений?

В этой связи остро встает вопрос о будущем СНГ и ОДКБ, которые некоторые эксперты называют «мертворожденными» и «недееспособными» организациями, которые «никак себя не проявили»³. Их будущее, действительно, будет зависеть прежде всего от того, удастся ли лидерам этих государств, и в целом Евразии, найти для себя некую общую систему ценностей, которая (как в Евросоюзе) смогла бы обеспечить про-

² В городе Астана (Республика Казахстан) открылось юбилейное X заседание МКВЭС ОДКБ. 2012. 2 ноября / <http://www.opkodkb.ru/0490511240...>

³ Дубнов А. Ташкент ушел, проблемы остались // Россия в глобальной политике. 2012. Т. 10. № 5. С. 75.

цесс интеграции. Пока что такие попытки найти эту систему называют «неудачными». Так, в 2011 году Николай Бордюжа собрал за круглым столом экспертов и политологов, предложив им устроить мозговой штурм в поисках новых идей для совершенствования деятельности Организации. Попытка обнаружить какую-либо идеологию, которая объединяла бы входящие в нее государства по примеру либеральных ценностей западной демократии для стран — членов НАТО, закончилась конфузом»¹. И это не случайно. Может быть, не там искали? «С трудом отыскивали одну такую ценность — стабильность. Но, как заметила директор центра европейской безопасности ИНИОН РАН Татьяна Пархалина, на Западе эту стабильность понимают как консервацию авторитарных режимов, для обеспечения которой как раз и создана ОДКБ. И никто, по ее мнению, не оспаривал очевидное: главные угрозы стабильности — внутри каждой из стран, а вовсе не вовне.

Эта позиция отражает, к сожалению, общее отношение части (преимущественно либеральной) элит евразийских государств, которые либо стремятся как можно быстрее «европеизироваться» и «американизироваться», либо сохранить «многовекторность» своей политики, т.е. способность к бесконечному внешнеполитическому маневрированию, что представляется едва ли возможным в новых геополитических условиях. Думается, что неизбежно придется выбирать. От этого выбора в конечном счете будет зависеть безопасность и суверенитет евразийских государств, что может быть положено в основу формирующейся общей ценностной системы евразийских государств.

¹ Дубнов А.
Ташкент ушел,
проблемы остались //
Россия в глобальной
политике. 2012. Т. 10.
№ 5. С. 75.

Общность интересов и ценностей как основа военно-политической интеграции в Евразии

Общих ценностей вполне достаточно для того, чтобы говорить о серьезном фундаменте для развития интеграции. Это:

- общая история и во многом общая культура;
- общее геополитическое пространство;
- географическая близость и взаимозависимость;
- интересы торговли, транспортных коридоров и логистических центров;
- наконец, интересы безопасности единого континента.

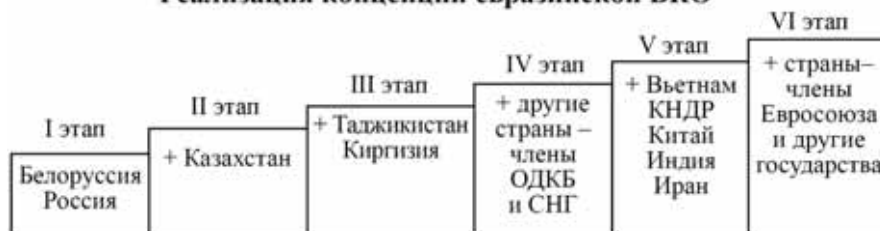
Но искать такую общую систему ценностей среди либеральных систем — дело заведомо бессмысленное. Нужна евразийская система ценностей как совокупность национальных систем тех народов, которые проживают на евразийском континенте. От этого в конечном счете зависит как евразийская интеграция в целом, так и ее воздушно-космическая оборона в частности.

Такой общей ценностью не только для ОДКБ, но и для всей Евразии может стать воздушно-космическая безопасность континента или его части, т.е. обеспечение суверенитета и независимости находящихся на этом континенте государств, в условиях, когда только одна, западноевропейская часть Евразии создала для себя систему безопасности и не стремится интегрировать в нее другие государства.

Как видно из рисунка, I и II этапы фактически уже начали реализовываться. Более того, на саммите в Ашхабаде в декабре 2012 года были приняты решения по перспективным направлениям развития Объединенной системы ПВО (ОС ПВО) СНГ

Реализация концепции евразийской ВКО

и назначен новый председатель координационного комитета по вопросам ПВО заместитель министра обороны РФ О. Остапенко. Это означает, что фактически страны СНГ приступили к реализации III и IV этапов. Хотя ОС ПВО СНГ формально и была создана в 1995 году, в ее состав входят 20 авиаполков, 29 зенитных ракетных полков, 22 радиотехнических подразделения и 2 батальона РЭБ¹.

Параллельно планируется совершенствовать оборону в рамках ОДКБ, имея в виду, как сказал НГШ В. Герасимов, создание в перспективе объединенной ПВО–ПРО. Не ясно, чем ОС ПВО СНГ будет отличаться от ПВО ОДКБ, но очевидно, что есть движение в определенном направлении интеграции сил и средств стран СНГ и ОДКБ.

Важно, чтобы эти системы не существовали декларативно-формально. Их военно-техническое насыщение будет означать реальное продвижение в области военно-политической интеграции, демонстрируя другим странам (не членам ОДКБ и СНГ) возможности интеграции, а не только военно-технического сотрудничества:

- до 2020 года — локальные полосы предупреждения вокруг позиционных районов РВСН;
- до 2030 года — полноценная система разведки и контроля воздушного пространства.

Перспективная система поражения и подавления СВКН должна представлять собой совокупность противоракетных и противоспутниковых, зенитных ракетных и авиационных

¹ Мухин В.
Противоракетное
содружество //
Независимая газета.
2012. 7 декабря. С. 1.

¹ Богданов О.
Выступление // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 12.

² Новости в России // Воздушно-космическая оборона. 2012. № 4(65). С. 22.

³ Там же.

группировок воинских частей и подразделений РЭБ. Причем, она должна строиться эшелонированно¹. Понятно, что чем выше степень сотрудничества, тем раньше и эффективнее страны ОДКБ и СНГ могут подключиться к этим процессам. Тем более, что у других стран просто нет экономических и технологических возможностей создавать такие системы самостоятельно. «Ни у одной зарубежной страны пока нет радиолокационных станций системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), сравнимых по тактико-техническим характеристикам с российскими станциями высокой заводской готовности типа „Воронеж“». Об этом заявил генконструктор отечественной СПРН Сергей Боев. «Тактико-технические характеристики наших станций выше зарубежных аналогов: по дальности обнаружения целей, по потребляемой мощности. Все остальные эксплуатационные показатели наших РЛС также лучше»², — может быть, излишне оптимистично сказал он.

Бывший командующий Войсками воздушно-космической обороны ВС РФ (ныне заместитель МО РФ) генерал-полковник Олег Остапенко также находит возможности российского ОПК на данном направлении выше зарубежных: «В том, что они на данном этапе отстают, я не сомневаюсь. Наши ОПК и научный потенциал в этом плане я считаю значительно выше»³.

Таким образом существуют объективные геополитические, научно-технические и военно-политические предпосылки реализации идеи евразийской ВКО, которые ложатся в основу такой политики. Основная проблема превращения таких предпосылок в реальность будет заключаться в позиции национальных элит и внешнем противодействии.

Внешняя и военная политика России и международное сотрудничество в Евразии

Особое значение для развития сотрудничества в области ВКО имеет активность России в ЦА. Это вызвано целым рядом обстоятельств.

Во-первых, внешняя, прежде всего воздушно-космическая угроза наиболее актуальна для государств ЦА. Именно против этих государств направлены усилия по дестабилизации и использованию «мягкой силой», убедительность и актуальность которых обеспечены СВКН. Вряд ли любой из этих режимов — будь то в Казахстане или Узбекистане — хочет участи стран, подвергшихся воздушно-космическому нападению. Все их усилия по проведению «многовекторной» политики в конечном счете столкнутся с требованиями США и НАТО по «демократизации», т.е. отказу от власти. Это именно то, чего больше всего боятся правящие элиты.

Во-вторых, потенциал сотрудничества с государствами ЦА далеко не полностью используется, хотя для этого есть все формальные и неформальные основания. В настоящее время наибольшие перспективы расширения евразийские институты и структуры имеют именно в ЦА. Там расположены три из пяти государств — членов ЕврАзЭС.

В-третьих, можно говорить о том, что в связи с выводом войск западной коалиции из Афганистана и их заинтересованностью в стабильности в Центральной Азии складываются наилучшие перспективы для евразийско-евроатлантического диалога именно в этом регионе. В том числе и диалога по вопросам евразийской безопасности. Странам Евросоюза еще

предстоит осознать, что евразийская безопасность, так же, как и европейская, нераздельное понятие. Понятно, что сотрудничество между ОДКБ и Евросоюзом пока что только теоретически допустимая возможность. Но это только пока. Думается, что интересы США (которые, безусловно, будут выступать против такого диалога) и стран Евросоюза могут разойтись в будущем. В этом плане возможные перспективы налаживания евразийско-евроатлантического диалога имеет ОДКБ. В свое время Советом Коллективной безопасности ОДКБ в июне 2004 г. было принято решение об основных направлениях диалога и взаимоотношений ОДКБ с НАТО. По различным политическим и геополитическим соображениям блок НАТО это предложение проигнорировал. В следующем году секретариатом ОДКБ из предложенной ранее обширной повестки сотрудничества была выделена особо актуальная сфера — борьба с незаконным оборотом наркотиков, особенно афганских. Но и это предложение не нашло понимания в НАТО. Позиция альянса заключалась в том, что приоритетом для него является развитие двусторонних отношений с государствами-членами ОДКБ¹.

Вместе с тем, в НАТО есть и много сторонников диалога с ОДКБ, так что можно говорить о серьезном расколе в данном вопросе. В частности, в рекомендациях Группы экспертов по новой Стратегической концепции НАТО «НАТО в 2020 году: гарантированная безопасность, динамичное взаимодействие (май 2010 г.)»² указывалось: «НАТО должна рассмотреть возможность формирования новых региональных подгрупп, если страны заинтересованы в этом. Еще одна и, может быть, более предпочтительная альтернатива для НАТО — наладить более формальные связи с такими органами, как ... Шанхайская организация сотрудничества или Организация Договора о коллективной безопасности. Подобные взаимоотношения должны быть основаны на принципах равенства, взаимного доверия и взаимной выгоды». Некоторые эксперты даже считают, что

¹ Казанцев А. А. Перспективы развития евразийско-евроатлантического интеграционного диалога / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2012. Октябрь. С. 15.

² http://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_63654.htm

«В настоящее время сложилась благоприятная международная атмосфера для изменения позиции Запада. В этом плане стоит отметить, что в июне 2010 г. было принято Совместное заявление президентов России и США по Афганистану, в котором впервые зафиксирована готовность сторон изучить возможность налаживания сотрудничества международной коалиции и ОДКБ на антинаркотическом треке»¹.

В отличие от НАТО, ЕС уже начал формирование базы для взаимодействия с ОДКБ. В частности, в официально принятой «Центральноазиатской стратегии ЕС» (2007 г.) формулируется необходимость «вступить в открытый и конструктивный диалог» с ОДКБ (а также с ЕврАзЭС и ШОС)².

Представляется, что «подтолкнуть» евроатлантические структуры к сотрудничеству с ОДКБ может прагматичное сотрудничество по линии отдельных программ. В частности, операция «Канал» ОДКБ хорошо согласуется с антинаркотической программой Европейской комиссии КАДАП, поэтому вполне логично было бы начать сотрудничество не между ОДКБ и ЕС в целом, а между двумя структурами, реализующими эти программы. Вместе с тем, не следует ожидать, что евросотрудничество обеспечит безопасность в Евразии. Необходимо параллельно и в приоритетном порядке формировать такую систему в Евразии на базе существующих систем (ОДКБ, СНГ) и — в перспективе — создавая новые институты. Так, по мнению профессора В. Захарова, «...достижение лидирующей роли России в военно-политических интеграционных процессах должно быть связано:

- во-первых, с определением того, что для Российской Федерации является более приоритетным — дальнейшее сближение с Западом на базе ценностей западноевропейской цивилизации или возрождение постсоветского пространства на основе общих цивилизационных истоков новых независимых государств;

¹ Казанцев А. А. Перспективы развития евразийско-евроатлантического интеграционного диалога / Аналитическая записка. ИМИ МГИМО(У). 2012. Октябрь. С. 15.

² Европейский Союз и Центральная Азия: стратегия нового партнерства: совершенно г. Брюссель, 1 июня 2007 г., SN 2907/07 / Совет Европейского Союза, Генеральный секретариат // Бюро по правам человека и соблюдению законности. С. 12.

- во-вторых, с привлечением государств-членов ОДКБ к обсуждению общемировых проблем;
- в-третьих, с осуществлением национального военного строительства государств-членов ОДКБ в рамках общей концепции создания единого оборонного пространства»¹.

¹ Захаров В.
Евразийский проект // Национальная оборона. 2012. Август. № 8 / <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2012/0305/11098005/detail.shtml>

Необходимо отметить в этой связи два обстоятельства. Во-первых, вряд ли можно пока говорить об ОДКБ как о сложившейся единой военно-политической организации. Неслучайно А. Арбатов говорит критически об ОДКБ: «Настоящий военно-политический союз, на статус коего ОДКБ претендует, предполагает помощь друг другу хотя бы в политическом плане, не говоря уж о военном. Отсутствие этой помощи продемонстрировало серьезную внутреннюю слабость организации»². Очевидно, что укрепление ОДКБ — важнейшая задача, стоящая перед политикой России в Евразии.

² Арбатов А. Г.
ОДКБ как военного союза не существует / Эл. ресурс «Национальная безопасность». 19 июля 2012 г. / <http://nationalsafety.ru/>

Во-вторых, разные участники ОДКБ и другие постсоветские государства видят по-разному приоритеты политической и военной безопасности, что выражается прежде всего в их военных расходах³. Так, самый высокий долевой показатель соотношения расходов на оборону в процентах от ВВП за период 2004–2011 гг. имеет Грузия — 4,96%. От 3% до 4% имеют: Армения (3,43%) и Узбекистан (3,68%). Показатель от 2% до 3% имеют: Азербайджан (2,79%) и Россия (2,95%). Показатель от 1% до 2% имеют: Беларусь (1,48%), Киргизия (1,06%), Латвия (1,43%), Литва (1,09%), Таджикистан (1,9%), Украина (1,09%) и Эстония (1,65%). Остальные страны имеют показатель менее 1%: Казахстан (0,89%), Молдавия (0,35%) и Туркмения (0,96%).

³ По военным расходам страны на постсоветском пространстве занимают 6 мест из 10 регионов мира / Эл. ресурс «Национальная безопасность». 19 июля 2012 г. / <http://nationalsafety.ru/>

Эти различия свидетельствуют не столько об экономическом положении государств, сколько о том, какую приоритетность вопросам безопасности уделяют местные элиты. Как представляется, эти элиты еще не осознали до конца значение военного фактора в обеспечении национального суверенитета, полагаясь на международное право и между-

народные институты. Похоже, что процесс такого осознания еще только начался с «арабской весной», но неизбежно будет развиваться. У этих государств по сути будет альтернатива: либо полагаться целиком на «международное сообщество» в вопросах безопасности, либо выстраивать свою собственную, национальную политику. Если для прибалтийских государств такой выбор уже сделан, то для других бывших советских республик его предстоит еще сделать. Эта тенденция дает основания полагать, что для целого ряда государств, которые захотят выстраивать собственную систему безопасности в рамках евразийской интеграции, неизбежно встанет вопрос о создании объединенной ВКО. Можно напомнить, что в феврале 2013 года исполняется 18 лет Объединенной системе ПВО СНГ, которая накопила определенный опыт и историю, куда первоначально вошли 32 соединения и части зенитных ракетных войск, 6 частей истребительной авиации, 23 соединения и части радиотехнических войск¹.

Начиная с 1995 года дежурные по ПВО силы и средства участвуют в многосторонних командно-штабных тренировках с выполнением целого комплекса задач. К тренировкам привлекаются дежурные боевые расчеты, пункты управления, вооружение и техника, несущие боевое дежурство по ПВО.

Логичным шагом развития координации в рамках объединенной системы ПВО стала организация совместного боевого дежурства по ПВО с целью охраны внешних границ государств-участников СНГ.

Первыми (с 1 апреля 1996 года) к нему приступили войска ПВО Беларуси и России. После подписания трехсторонней Инструкции по совместным действиям дежурных по ПВО сил к ним присоединились Казахстан и Киргизия. На сегодняшний день, кроме названных стран, совместное боевое дежурство по ПВО несут силы и средства противовоздушной обороны Армении и Узбекистана. Созданная система боевого дежурства

¹ Объединенной системе противовоздушной обороны СНГ — 17 лет / Эл. ресурс «Национальная безопасность». 19 июля 2012 г. / <http://nationalsafety.ru/>

позволяет охранять воздушные границы и контролировать воздушное пространство наших государств.

Действует и специальный орган, координирующий деятельность в этой области. Так, в июле 2012 года в городе Чолпон-Ата (Киргизия) состоялось очередное заседание Координационного комитета по вопросам противовоздушной обороны при Совете министров обороны государств — участников Содружества Независимых Государств. В его работе приняли участие делегации от Министерств обороны Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины.

На заседании были рассмотрены вопросы, касающиеся совершенствования и развития объединенной системы противовоздушной обороны, а также укрепления военного сотрудничества государств — участников Содружества Независимых Государств в области ПВО.

Участники заседания подвели итоги деятельности Координационного комитета и его рабочих органов за первое полугодие 2012 года, согласовали вопросы о внесении изменений в его состав, проведении совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки во втором полугодии и в 2013 году.

Подводя итоги, можно сказать, что у цели создания евразийской ВКО есть практическая перспектива, которая характеризуется следующими основными факторами:

1. Объективной потребностью государств Евразии защитить свой суверенитет и территориальную целостность от внешнего воздействия, которое, если говорить о военном факторе, сводится прежде всего к возможности воздушно-космического нападения.
2. Потребностью национальных элит защитить свою власть и сложившиеся режимы управления, избежать «оранжевых» революций и военно-политического шантажа.

Практическая реализация идеи евразийской ВКО

3. Объективной потребностью к интеграции в Евразии, которая в перспективе будет затрагивать не только ВТС, но и более глубокие пласты военно-политического сотрудничества.
4. Неизбежностью в конечном счете политического выбора между «разновекторностью» и ориентацией на региональную интеграцию. Период внешнеполитической неопределенности не может тянуться бесконечно. Думается, что формирование широкой коалиции США в Евразии только ускорит этот процесс.

Евразийская ВКО: основные выводы

... мы говорим о противоракетной
обороне в Европе. А, кстати,
как насчет Азии?¹

*А. Арбатов,
академик РАН*

Необходимо также перестать
воспринимать многосторонние институты
как дипломатические декорации

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

1. Сегодня принято считать, что успех или неудача в процессе региональной (в т.ч. евразийской) интеграции зависит от экономического сотрудничества. На самом деле в основе успешных интеграционных процессов лежат интересы более высокого — политического и военного — уровня, прежде всего в области национальной безопасности. Именно эти интересы объясняют наиболее успешный пример интеграции — создание Евросоюза. Можно напомнить и другой пример — интеграция в рамках Совета Экономической Взаимопомощи (СЭВ) социалистических стран, в основе которой также лежала идея военно-политической интеграции стран Организации Варшавского Договора (ОВД).

Поэтому процесс реинтеграции на постсоветском пространстве и во всей Евразии может и должен стимулироваться процессами военно-политического и военно-технического сотрудничества. Наиболее актуальной областью практического продвижения военно-политической интеграции становится интеграция систем ПВО и ПРО, и в целом ВКО большинства евразийских государств, создания в конечном счете объединенной, а затем и единой Евразийской ВКО.

Подписание в декабре 2012 года в Ашхабаде на саммите глав государств-членов СНГ ряда документов, прежде всего

¹ Арбатов А. Г.
Выступление на
научно-практической
конференции РСМД
«Евроатлантическое
сообщество
безопасности: миф
или реальность».
М. 23 марта 2012 г. //
РСМД. 2012. С. 50.

решения по перспективным направлениям развития Объединенной системы противовоздушной обороны (ОС ПВО) СНГ и назначение нового председателя координационного комитета Содружества по вопросам ПВО российского заместителя министра обороны О. Остапенко — не случайно. (Именно он командовал ВВКО России с момента их создания в России в декабре 2011 года). Это тенденция, отражающая обеспокоенность евразийских государств стремительным развитием стратегического потенциала наступательных вооружений и создания региональных компонентов глобальной ПРО США и их союзников в Евразии.

Понятно, что это только самый первый шаг, ведь и до этого формально Объединенная система ПВО десяти стран существовала с 1995 года: проводились учения не менее двух раз в год, уточнялись совместные задачи, были выделены соответствующие силы и средства. Но именно в декабре 2012 года главы стран СНГ поддержали инициативу Москвы, чтобы в ОС СНГ были интегрированы ВВКО России. Более того, речь идет уже о создании не только объединенной, но и в перспективе единой (с единой системой управления) системы ВКО ОДКБ¹ или СНГ.

2. С военно-политической точки зрения необходимо признать, что создание эффективной ВКО территории России неизбежно и не может быть компенсировано никакими политическими (односторонними инициативами «а-ля Э. Шеварднадзе»), дипломатическими (переговорами с США) или военно-техническими («асимметричными» мерами по развитию СНВ) мерами. Необходимо признать, что такие попытки, сделанные с конца 1980-х годов советским и российским руководством, не привели ни к каким практическим результатам: США не только продолжали НИОКР в области ПРО, но и стали разворачивать элементы глобальной ПРО и стратегический потенциал ядерных и неядерных вооружений, предназначенных для первого удара.

¹ Мухин В.
Противоракетное
содружество // *Независимая газета*.
2012. 7 декабря.
С. 1–2.

Дальнейшее сдерживание развития ВКО в России неизбежно приведет к тому, что в США в среднесрочной перспективе будет создан не только потенциал для нанесения «разоружающего» удара, но и потенциал, нейтрализующий уцелевшие силы ответного удара. Как минимум, это дестабилизирует ситуацию в мире, сделает военную силу вновь глобальным инструментом внешней политики США и НАТО.

России предстоит в короткие сроки не только восстановить НИОКР и кадровый потенциал ВКО, но и убедить потенциальных союзников в необходимости сотрудничества в области производства и развертывания систем ВКО и создании единой системы военно-политического управления ВКО континента.

3. Создание структуры ВВКО и ее оснащение новыми ВВТ в России происходит медленно и не соответствует масштабам возможной угрозы для страны. Это связано как с интересами ряда родов и видов вооруженных сил, так и нерешенностью принципиальных доктринальных вопросов относительно оценки будущих военных угроз, отсутствием качественного стратегического прогноза и системы стратегического планирования как в общенациональном масштабе (о чем свидетельствует в том числе и соответствующее поручение В. Путина МО и Генштабу), так и в военно-политической и военно-промышленной областях. Как следствие, требуется и корректировка Концепции ВКО, которая в 2013 году уже не отражает существующие реалии.

Значительно обострилась ситуация и с качеством человеческого потенциала не только в России, но и в ОПК и ВКО. Подготовка личного состава ВВКО требует ежегодно более 1200 офицеров¹. Иначе просто некому будет служить в тех 28 полках, где планируется развернуть С-400 к 2020 году.

Последние решения нового НГШ ВС России В. Герасимова о создании специальной рабочей группы, которая должна проанализировать силы и средства, входящие в ВКО,

¹ Военно-космическая оборона? Продано! / <http://news.rambler.ru/16268534>

¹ Сафронов И.
Войскам воздушно-
космической
обороны
подбирают
командование /
Коммерсант. 2012.
15 ноября.

свидетельствуют о возможном пересмотре прежних решений¹, которые необходимы практически во всех областях — от концептуальной проработки военной стратегии и корректив в Военную доктрину и Концепцию ВКО, до программ создания ВВТ, которые должны исходить как из задач стратегического планирования, так и расширения возможностей российского ОПК.

4. Принципиальное значение имеет создание системы управления ВКО и четкое определение задач, стоящих перед силами и средствами ВКО России и ее союзников, чего до сих пор нет. Как отмечают эксперты, «...главные проблемы новых войск — не в их оснащении и не в недостаточной мощности огневой составляющей ПРО — ПВО. Дело в том, что уже в январе 2012 г. из публичного доклада самого генерала О. Остапенко неожиданно выяснилось, что у России „в действующих на сегодня доктринальных документах нет четкого понятия системы ВКО“. По его словам, „...под системой ВКО следует понимать развернутые на земле и на море, в воздушном и околоземном пространстве объединенные функциональными связями силы и средства, обеспечивающие защиту РФ и ее союзников от нападения с воздуха, из космоса и через космос“. Из такой собственной трактовки он же сам сформулировал и „совокупность задач“ нынешней и будущей ВКО, куда были включены:

- предупреждение о ракетном и космическом нападении, разведка космической обстановки и оповещение о ней войск;
- уничтожение боевых блоков межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок, уничтожение или функциональное подавление военных КА противника;
- предупреждение о воздушном нападении, разведка воздушной обстановки и контроль использования воздушного пространства, оборона важнейших объектов государствен-

ного и военного управления от ударов СВКН экономики и инфраструктуры, основных группировок войск и объектов Вооруженных сил;

- вскрытие радиоэлектронной обстановки, обеспечение радиоэлектронной защиты объектов ВКО.

Бывшему командующему ВВКО, однако, придется признать, что между таким пониманием системы и такой совокупностью задач уже есть противоречия: перечисленная совокупность, вероятно, действительно сможет помочь защитить отдельные важнейшие объекты (как в ней прямо и сказано), но никогда не обеспечит защиту территории всей РФ и уж тем более ее союзников. По сути обнаружившаяся „вдруг“ в 2012 г. „доктринальная пустота“ в области ВКО России не может не вызвать, как считают эксперты, резонный и очень важный вопрос: неужели Концепция ВКО на период до 2016 г. и дальнейшую перспективу не содержит в себе и намек на основные понятия и задачи системы? Тогда кто и для чего писал эту концепцию целых три года? Или положения документа, подписанного президентом В. Путиным в 2006 г., спустя шесть лет признаны устаревшими и неверными?»¹

5. Важно, чтобы при доработке стратегических документов и принятии организационных решений по ВВКО учитывались политические потребности интеграции в Евразии и перехода ВТС России с ее союзниками на новый уровень сотрудничества. Изначально необходимо проводить параллельно консультации с союзниками и партнерами, которые бы уже сейчас (как в случае с соглашением о размещении военной инфраструктуры на территориях стран ОДКБ) формировали единое пространство безопасности и сферу деятельности будущей объединенной ВКО.

Следует отдавать отчет в том, что процесс евразийской интеграции и ЕвразВКО зависит, во-первых, от адекватной оценки элитами этих государств ситуации в мире и развитии

¹ Стукалин А. Войска воздушно-космической обороны России // Экспорт вооружений. 2012. № 3. С. 47.

основных политических тенденций, а, во-вторых, от выбора ими вектора развития. Этот вопрос становится на постсоветском пространстве, в Евразии и в современной России центральным политическим вопросом, от решения которого будет зависеть в том числе интеграция стран Евразии и развитие ЕвразВКО.

6. Очевидно, что современная российская элита разделена в подходах к решению этого вопроса на две основные группы. Первая из них, как и прежде, ориентирована на «европейскую систему ценностей», исходя из чего сама по себе евразийская интеграция (а тем более ее военно-политическая составляющая) не находится в системе приоритетов. Более того, подобный выбор означает изначально готовность пойти на серьезные уступки как в области национального суверенитета, так и национальных интересов. Эта группа со времен М. Горбачева настойчиво проводит политику, которая в конечном счете привела не только к развалу ОВД и СССР, но и неизбежно приведет к развалу России.

Вторая группа элиты ориентирована на сохранение национальной идентичности, защиту национальных интересов и суверенитета, хотя из-за отсутствия четкой политической идеологии и других издержек эффективность ее влияния на политику страны, в том числе военную, справедливо ставится под сомнение. Запоздалая смена руководства Минобороны продемонстрировала не только неэффективность государственного управления и запредельный уровень коррупции, но и фактический провал военной реформы. Этой группе национальной правящей элиты предстоит серьезная коррекция военной политики страны и исправление допущенных ошибок.

Противоречие между этими двумя группами элит отчетливо проявляются в вопросах создания и развертывания ВКО. Представители первой группы, как и во времена М. Горбачева и Б. Ельцина, продолжают настаивать фактически на отказе от

создания национальной ВКО и, соответственно, на необходимости поиска союзников в Евразии. Они по-прежнему продолжают продвигать идеи «асимметричных» мер, под которыми в конечном счете предполагается свертыwanie НИОКР в области ВКО и отказ от массового производства соответствующих видов и систем ВВТ. Они же настойчиво продолжают продвигать идею «компромисса» с США и НАТО, переговоров по ограничению и сокращению СНВ без учета неядерного стратегического потенциала США и СЯС их союзников.

Представители второй группы правящей элиты с опозданием пришли к выводам относительно опасности такой политики СССР и России, но в последние годы пытаются перехватить инициативу. На их стороне — адекватность оценки существующих реалий и прежде всего характера возможной военной угрозы. Как и на общенациональном уровне, где происходит прямое противоборство этих групп в экономике, финансах, образовании, культуре и т. д., подобное противоборство существует и в области военной политики. В центре его находится вопрос о ВКО и евразийской интеграции.

7. Вслед за изменением соотношения сил в мире (процесс которого резко ускорился в XXI веке) происходит и резкое усиление борьбы за продвижение и силовое навязывание одними государствами своей системы ценностей другим государствам. Эта тенденция характерна для большинства государств: страны Евросоюза эволюционируют от защиты интересов к «защите ценностей», Китай — после ноябрьского съезда (2012 г.) КПК — также делает акцент на такую политику. Но наиболее эффективно это делают США, которые смогли обеспечить свою политику не только «мягкой силой» (soft power), но и мощным военно-космическим ресурсом — интегрированными наступательными и оборонительными вооруженными силами, способными фактически безнаказанно уничтожать политические, административные центры

управления и инфраструктуры государств, сопротивляющихся такой политике. Гарантией от ответного удара служат современные системы ПРО и ПВО.

Примеры последних лет — Югославия, Ирак, Афганистан, Ливия, Сирия — наглядная иллюстрация этой стратегии. Очень показательна в этой связи стратегия нанесения Израилем ударов по ХАМАС в секторе Газа в ноябре 2012 года, когда точно уничтожались конкретные лидеры этой организации и ПУ ракет (операция «Облачный столп»), а созданная система ПРО «Железный купол» обеспечила уничтожение большинства запущенных в сторону Израиля ракет¹.

Поэтому любые, даже, казалось бы, частные аспекты военной политики, включая переговоры об ограничении и сокращении вооружений и военной техники, являются в конечном счете следствием этих новых реалий, т.е. ставки на силовое продвижение западной системы ценностей, обеспеченной мощным гуманитарным воздействием, который «подкреплен» интегрированным военным потенциалом в воздушно-космической области.

8. Новой геополитической реальностью становится формирование двух военно-политических центров силы — Китая и США, — которые будут не только соперничать, но и сотрудничать в ближайшее десятилетие. Масштабы сотрудничества и соперничества, их последствия трудно предугадать, но очевидно, что и первое, и второе может осуществляться за счет других стран, которые могут стать в том числе и «разменной монетой» такого «соперничества–сотрудничества». В этой связи можно согласиться с некоторыми выводами авторитетного французского эксперта Ж.-Б. Пинателя, который полагает, что:

- «— Россия и Европа должны объединиться, чтобы контролировать евразийский хартленд;
- США делали и делают все возможное и невозможное, чтобы помешать этому;

¹ Воробьев В.
Столпометатели // *Российская газета*.
2012. 16 ноября. С. 8.

- и Китай, и США уже работают негласно совместно, чтобы поделить мир и не допустить появления третьего игрока;
- НАТО необходима в первую очередь для того, чтобы „раздражать“ Россию и предотвращать объединение Европы;
- внешняя политика США по-прежнему, как и предостерегал президент Д. Эйзенхауэр, во многом определяется интересами военно-промышленного комплекса»¹.

9. Силовое продвижение западной системы ценностей в отношении России предполагает не только изменение российской национальной системы ценностей, но и отказ в конечном счете от суверенитета и территориальной целостности. Это важно подчеркнуть для тех российских политиков и экспертов, которые, как и в горбачевские времена, наивно полагают (или делают вид?), что «России никто не угрожает». Подобная наивность, казалось бы, уже дорого обошлась СССР и России, но она продолжает оставаться «аргументом», иногда даже претендующим на научность.

При этом военная сила, как политический инструмент Запада, может быть по-прежнему использована в двух формах. Во-первых, для политического давления на правящую элиту и поддержку тех кругов, которые разделяют эти цели (так, известный оппозиционер писатель А. Быков заявил, что «Россия упустила момент, когда еще можно было жить единой территорией», а также, что надо будет привыкнуть жить с независимым Кавказом, Сибирью, Дальним Востоком»)². Создание военных условий, в том числе в области СНВ и ВКО, для обеспечения политики силы, безусловно, является доминирующим фактором в политике США, который становится особенно актуальным по отношению к современной ситуации в Евразии.

Во-вторых, военная сила в ее прямой форме по-прежнему рассматривается как средство нанесения военного поражения и получения «традиционного» военного и политического

¹ Пинатель Ж.-Б. Россия — Европа: жизненно важный союз / перев. с франц. Д.Х. Халиллуллиной. М.: Книжный клуб 36.6, 2012. С. 10, 11.

² Геополитическая мозаика / Эл. ресурс «Военное обозрение». 6 ноября 2012 г. / <http://www.topwar.ru>

¹ Караганов С. А.
Зачем оружие? // *Россия в глобальной политике*. 2012. Т. 10. № 5. С. 11.

результата. Хотя именно это и пытаются отрицать не только на Западе, но и в России, утверждая, что «в новом мире захват прямого контроля над территорией и находящимися на ней ресурсами... действительно больше не работает»¹. Любопытно, хотелось бы возразить, если это действительно так, то зачем нужно было оккупировать Афганистан, а до этого Ирак и Югославию? Зачем нужны многочисленные базы за рубежом и широкая инфраструктура, которая стоит десятки миллиардов долларов ежегодно? Наконец, практика США свидетельствует как раз об обратном. Сеть баз расширяется и модернизируется, а их дислокация приближается к районам потенциальных конфликтов. Даже сокращение войск США в Ираке и Афганистане отнюдь не означает, что они готовы уйти из этих стран.

И в первом, и во втором случае использования различных форм военной силы, речь идет в конечном счете не только о государстве — его территории, суверенитете, ресурсах, транспортных коридорах, — но и о существовании самой нации, ее самоидентификации, борьбе этносов в Евразии. «Размывание» национальной идентичности и суверенитета уже в действительности происходит во многих областях, что, естественно не может не беспокоить. Так, арест В. Бута, российских граждан в Ливии, «список Магнитского», явная поддержка из-за рубежа политической оппозиции и другие примеры свидетельствуют о том, что стратегия «демократизации» России осуществляется жестко последовательно.

На этом фоне усилия российской власти обеспечить военно-техническое равновесие пока что выглядят не вполне убедительными. И не только в силу объективных причин — огромной разницы в военно-экономических потенциалах России и США, которая (учитывая потенциалы союзников) составляет десятки раз, — но и в силу субъективных причин. Прежде всего ошибки военно-политического характера, которые стремительно нарастали с конца 80-х годов XX века. Лишь во второй

половине первого десятилетия нынешнего столетия ситуация стала медленно изменяться: некоторые разрушительные тенденции были остановлены, а некоторые даже удалось исправить. Но, во-первых, эти исправления происходили медленно и нередко непоследовательно (что, кстати, характерно для систем ВКО), а, во-вторых, некоторые тенденции так и не удалось исправить до сих пор. В частности, если речь идет о реализации государственного оборонного заказа, приватизации военных активов, развитии кадрового потенциала (чего стоят одни реформы бывшего руководства МО в области военной науки), развитии НИОКР и т.д. В итоге, по свидетельству бывшего начальника ГОУ ГШ РФ, «оснащенность современными вооружениями, военной и специальной техникой — три-пять процентов»¹.

10. Во втором десятилетии XXI века продолжается стремительное превращение воздушного, космического и информационного пространства в единое поле боя, где не будет ни четких границ «по высоте», ни «по пространству», ни по информационному воздействию. Этот новый глобальный театр военных действий становится решающим, оттесняя на второй план традиционные пространства использования военной силы — сухопутные и морские. Соответственно средства ведения военных действий в таком едином воздушно-космическо-информационном пространстве становятся ключевыми, решающими для победы. Такая интеграция неизбежно приведет к интеграции государственного и военного управления стратегическими наступательными (ядерными и обычными) и оборонительными вооружениями (СНВ и ВКО), а также средствами информационного воздействия. Она должна учитываться не только в стратегических прогнозах и планировании, но и уже сегодня приниматься во внимание при бесконечных реорганизациях органов политического и военного управления страны.

¹ Рукшин А.
Некоторые
итоги реформы
Вооруженных Сил //
ВПК. 2012. №45(462) /
<http://www.vpk-news.ru>

Учитывая геополитическое положение большинства стран Евразии, этот процесс в наибольшей степени и быстрее всего затронет именно этот континент. Разрабатываются новые виды и системы ВВТ, концепции их использования именно с учетом переноса основного акцента в использовании — политическом и военном — военной силы в эту сферу, что превращает проблему защиты в наиболее актуальную проблему для евразийских государств. Они уже не могут гарантировать свою безопасность национальными средствами (кроме России, Китая и Индии в определенных масштабах). Поэтому будут вынуждены идти не просто на закупку ВВТ, но и на военно-политическую интеграцию, смену политики «разновекторности» на более определенно ориентированную политику по отношению к тем или иным странам.

Интеграция воздушно-космического и информационного пространства, с одной стороны, и наступательных, информационных и оборонительных систем, с другой, позволяет говорить уже сегодня, что традиционное деление на наступательные и оборонительные системы и военную технику устарело. Речь идет о формировании единого комплекса, в который входят как СЯС, так и системы ПРО, ПВО и обычные вооружения, способные решать стратегические задачи, а также средства РЭБ, СЦВ и другие информационные возможности. Признание этой тенденции означает, что происходит революционная ломка стратегии и концепции, традиционной организации вооруженных сил, систем управления, подготовки кадров, ВВТ, а главное — ментальности высшего политического и военного руководства.

По своим политико-психологическим последствиям этот процесс не менее радикален, чем появление в конце 1940-х годов ядерного оружия и стратегических средств его доставки. Это — революция не только в военном деле, но и в политике, и в дипломатии, включая переговоры по ограничению и со-

кращению вооружений. Так, сегодня уже нельзя игнорировать при переговорах об ограничении СНВ, как минимум, четыре фактора:

- стратегические неядерные вооружения;
- системы ВКО;
- стратегические потенциалы третьих стран;
- ВВТ, размещенные в космическом пространстве.

11. Пока что процесс интеграции в России проявляется на интеграции отдельных средств защиты. Это нашло свое отражение в создании в декабре 2011 года войск воздушно-космической обороны (ВКО) — принципиально нового рода войск, который предназначен для обеспечения безопасности России в воздушно-космической сфере. Причем нельзя сказать, что за прошедший год удалось сделать многое, исходя из тех задач, которые были поставлены перед ВВКО к декабрю 2011 года. Так, предполагалось, что Войска воздушно-космической обороны решают широкий спектр задач, основными из которых являются:

- обеспечение высших звеньев управления достоверной информацией об обнаружении стартов баллистических ракет и предупреждение о ракетном нападении;
- поражение головных частей баллистических ракет вероятного противника, атакующих важные государственные объекты;
- защита пунктов управления (ПУ) высших звеньев государственного и военного управления, группировок войск (сил), важнейших промышленных и экономических центров и других объектов от ударов средств воздушно-космического нападения (СВКН) противника в пределах зон поражения;
- наблюдение за космическими объектами и выявление угроз России в космосе и из космоса, а при необходимости — парирование таких угроз;

- осуществление запусков космических аппаратов на орбиты, управление спутниковыми системами военного и двойного (военного и гражданского) назначения в полете и применение отдельных из них в интересах обеспечения войск (сил) Российской Федерации необходимой информацией;
- поддержание в установленном составе и готовности к применению спутниковых систем военного и двойного назначения, средств их запуска и управления и ряд других задач¹.

¹ Министерство обороны Российской Федерации: Войска воздушно-космической обороны / structure.mil.ru/structure/forces/cosmic.htm?fid=null&print=true

Решение этих задач частично или полностью требует времени (которое ограничено для России 2020–2030 гг.) и средств (которые ограничены ГОЗ-2020 примерно в три трлн рублей). Но, главное, решение этих задач ограничено качеством национального человеческого потенциала (НЧП) страны, который требуется как ОПК и ВВКО, так и для военно-политического руководства страны (пример смены руководства МО и ГШ очень примечателен).

12. Обеспечение надежной безопасности России, суверенитета и безопасности ее союзников в Евразии предполагает принятие решений для ускорения развития следующих тенденций:

- создание в России единой системы сдерживания потенциальных агрессоров, в которую входили бы как СНВ, так и системы ВКО, а также те неядерные вооружения и ВТ и информационно-коммуникационные средства, которые будут способны обеспечить надежную защиту от угрозы воздушно-космического нападения как с помощью обычных, так и ядерных и информационных ВВТ;
- поэтапное развертывание системы ВКО (а не только ПВО) на территории России, Белоруссии и Казахстана и других государств Евразии, включая создание объединенной системы ВКО Евразии и (внутри ее) единой системы ВКО, управляемой из одного центра.

Объединенная ЕвразВКО должна обеспечивать не только гарантированную защиту традиционных стратегических объектов от воздушно-космического нападения, но и защиту евразийской инфраструктуры, прежде всего транспортных коридоров, коммуникаций, трубопроводов и политико-административных центров евразийских государств, а также приграничных акваторий морского пространства. В определенном смысле эта идея аналогична тому, что делают сегодня в Персидском заливе США, где по информации «The New York Times», «...США вместе с рядом арабских стран активизировали усилия по созданию в регионе укрепленного района системы противоракетной обороны для защиты месторождений углеводородов и перерабатывающей инфраструктуры от ракетной угрозы, исходящей от Ирана»¹.

В определенном смысле США показывают России конкретную цель и план действий по созданию евразийской ВКО. Конечно, можно игнорировать эти реалии. Для того, как всегда, можно найти множество аргументов. Но следует понимать, что реальность такова: стратегические средства нападения и защиты неуклонно продвигаются Соединенными Штатами вглубь Евразии и, соответственно, приближаются к районам центральной России. «В регионе (Ближнего Востока. — А. П.) будут размещены американские радары раннего обнаружения, ракеты-перехватчики, а также единый командный и информационный центр, — пишут эксперты. — В общую систему ПРО будут также включены расквартированные на американских базах корабли ВМС США, оснащенные зенитно-ракетными комплексами Aegis.

Как отмечает New York Times, Пентагон уже поставил странам Персидского залива вооружений, оборудования и материалов на несколько миллиардов долларов»².

— Объединенная ЕвразВКО должна стать частью более широкого политического соглашения, аналогичного Хельсинкскому

¹ Госдеп: США разместят ПРО в Персидском заливе // Взгляд. 2012. 10 августа / <http://vz.ru>

² Там же.

Акту ОБСЕ 1975 года, в котором она бы гарантировала суверенное право обеспечения военной безопасности национальных территорий. Тем более, что ряд евразийских государств, прежде всего Китай и Индия, быстро продвигаются в этом направлении самостоятельно. Расширяется и двустороннее сотрудничество. Так, США разрабатывают совместно с Японией противоракету SM-3ПА, которая будет состыкована с боевой информационно-управляющей системой «Иджис». Индия уже добилась прогресса в разработке национальной двухуровневой системы ПРО, компонентами которой являются противоракеты AAD для перехвата баллистических ракетных носителей ядерного оружия в пределах земной атмосферы. Кроме этого, они создают заатмосферную ракету-перехватчик, базой для которой служит модифицированная баллистическая ракета «Prithvi». Уже сейчас, как считается, их система ПРО способна перехватывать ракеты противника с дальностью стрельбы до двух тысяч километров, а к 2016 году ей будет по силам сбивать ракеты с радиусом действия в пять тысяч километров. Руководитель индийской Организации оборонных исследований и разработок /DRDO/ Виджай Кумар Сарасват признал, что создаваемая его подчиненными ПРО по возможностям уже вполне сопоставима с первыми вариантами американского комплекса «Patriot». На очереди новые модификации индийских противоракет и завершение работы над планом размещения системы ПРО, который будет передан на утверждение правительству страны. Найдется ли в этих планах DRDO место сотрудничеству с американцами — это вопрос открытый. Во всяком случае, как следует из слов заместителя главы Пентагона Э. Картера, этого за океаном весьма хотели бы. Тем более, что индийцы в принципе не отвергают взаимодействие с иностранцами в сфере создания ПРО — участие в их программе принимает Израиль, оказывающий

помощь в разработке РЛС раннего предупреждения о ракетном нападении¹.

13. Не только будущие переговоры об ограничении и сокращении СНВ, но и переговоры ДОВСЕ, переговоры о неразмещении оружия в космосе, РФ ставятся сегодня в зависимость от темпов и эффективности развития будущих систем ВКО США и НАТО, с одной стороны, и России и государств Евразии, с другой. В случае отказа США от ограничений ВВТ в области ВКО под реальной угрозой оказывается вся существующая практика переговоров по ограничению вооружений и военной деятельности.

Это может привести к бесконтрольному распространению ОМУ и современных военных технологий в мире прежде всего, в Евразии, на которую приходится в XXI веке более 80% всех военных конфликтов. Стремительный рост военных расходов в АТР (более чем в два раза за последние 10 лет) наводит на мысль о том, что этот процесс уже не просто запущен, но и приобретает необратимый характер. Фактически речь идет о том, что великие державы, прежде всего США, Япония и их союзники в АТР, переносят главный акцент в планах военного строительства в Евразию.

14. Требуется программа мобилизации национальных ресурсов в интересах быстрого развития возможностей ВКО России. Эта программа должна состоять из двух уровней. Первого, отражающего развитие современной системы ПВО и ПРО промышленности, где необходимы скорейшие меры по ее модернизации. Причем, не только отраслей ОПК, но и смежных гражданских отраслей, без которых отдельные отрасли ОПК развиваться не в состоянии.

Второй уровень — интеграция всех мощностей и активов ОПК, изготавливающих ВВСТ к ВКО в одной вертикально-интегрированной структуре с целью избежать дублирования, форсирования НИОКР, а в целом НЧП, финансовых и материальных ресурсов.

¹ Котов Л.
Индия и США:
Возможно партнерство
по ПРО? //
ИТАР-ТАСС. 2012.
17 августа /
<http://www.itar-tass.com>

Сокращения, используемые в работе

А	в обозначениях американской военной техники и вооружения показывает модификацию основных образцов
А/Ц	аналого-цифровое (преобразование)
А-135	«Амур» — стационарная система ПРО Москвы (с 1995 г.), использующая различные типы для заатмосферного и внутриатмосферного перехвата баллистических целей с поражением ядерными боевыми частями
АВО	авиация военного округа
АДС (ACD)	Азиатский диалог сотрудничества (Asia Cooperation Dialogue)
АзБР	Азиатский банк развития
АЭС	Атомная электростанция
АОЛЦ	Алтайский оптико-лазерный центр имени Г. С. Титова
АПЗ	ОАО «Арзамасский приборостроительный завод имени П. И. Пландина»
Аркон-2М	Космический спутник (по ФКП России)
АСЕАН	Ассоциация стран Юго-Восточной Азии (Association of South-East Asian Nations, ASEAN)
АСЕАН+3	Объединение стран в рамках диалоговых механизмов АСЕАН (десять стран АСЕАН, Китай, Япония и Республика Корея)
АСЕАН+6	Объединение стран в рамках диалоговых механизмов АСЕАН (десять стран АСЕАН, Китай, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия)
АСЕМ	Форум «Азия — Европа»
АСУ	автоматизированная система управления
АТПФ	Азиатско-Тихоокеанский парламентский форум
АТР	Азиатско-Тихоокеанский регион (Asia Pacific) в узком смысле (обычно используемом в международной статистике) — Восточная Азия, Австралия и Океания (Австралия, Афганистан, Бангладеш, Бруней, Вьетнам, Индия, Индонезия, Камбоджа, Китай (включая Гонконг и Макао), КНДР, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Новая Зеландия, Пакистан, Папуа – Новая Гвинея, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Филиппины, Шри-Ланка, Япония, Бутан, Восточный Тимор, Мальдивы, Вануату, Кирибати, Острова Кука, Маршалловы острова,...

Евразийская воздушно-космическая оборона

	...Науру, Ниуэ, Палау, Самоа, Соломоновы острова, Тонга, Тувалу, Федеративные Штаты Микронезии, Фиджи)
АТР+	В широкой трактовке «АТР+» включает в себя страны, перечисленные выше, а также Россию, Канаду, Мексику, США, Гватемалу, Гондурас, Колумбию, Коста-Рику, Никарагуа, Панаму, Перу, Сальвадор, Чили, Эквадор (см. АТРАМ)
АТТУ	Зона от Атлантики до Урала (ATTU, Atlantic-to-the Urals zone)
АТЭС-2012	Саммит АТЭС, состоявшейся в сентябре 2012 года во Владивостоке
АУГ	авианосные ударные группы
АУТ	активный участок траектории
БГУ	концепция «Быстрого глобального удара»
БЖРК	боевой железнодорожный ракетный комплекс
БИМЬЮС	Система раннего предупреждения (РПРН) BMEWS (Ballistic Missile Early Warning System)
БИУС	Боевая информационно-управляющая система
БЛА (БПЛА)	Беспилотный летательный аппарат
БЛА «Boeing X-45C»	Беспилотный (ударный) летательный аппарат (США)
БЛА «Нейрон»	Беспилотный (ударный) летательный аппарат «nEUROn» (Франция)
БМП	Боевая машина пехоты
БР	баллистическая ракета
БРВЗ	баллистическая ракета «воздух–земля»
БРИК	Страны-участницы — Бразилию, Россию, Индию и Китай
БРИКС	Страны-участницы — БРИК + Южно-Африканская Республика
БРМД	Баллистическая ракета малой дальности
БРПД	Баллистическая ракета промежуточной дальности
БРПЛ	Баллистические ракеты подводных лодок
БРСД	Баллистическая ракета средней дальности
БРСМД	Баллистическая ракета средней и малой дальности

Сокращения, используемые в работе

БТР	Бронетранспортер
ВА	Восточная Азия
ВВ	взрывчатые вещества
ВВКО	Войска воздушно-космической обороны
ВВС	Военно-воздушные силы
ВВСТ	Вооружения, военная и специальная техника
ВВТ	Вооружения и Военная техника
ВДВ	воздушно-десантные войска
ВЗГ	высокой заводской готовности (технологии ПРН)
ВЗСЗЦ	высокозащищенные и сильнозаглубленные цели
ВИКА	Военная инженерно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
ВК	Военный комитет Европейского Союза
ВКН	средства воздушно-космического нападения
ВКО	Воздушно-космическая оборона
ВМА	Военно-медицинская академия
ВМС	Военно-морские силы
ВМФ	Военно-морской флот
ВНИИРА	ОАО Всероссийский научно-исследовательский институт радиоаппаратуры (ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей»)
ВНИИРТ	ОАО Всероссийский научно-исследовательский институт радиотехники
ВНИИТФ	ВНИИ технической физики
ВНИИЭФ	ВНИИ экспериментальной физики
ВО	военный округ
Возврат-МКА	космический спутник (ФКП России)
ВТО	Высокоточное оружие
ВТС	Военно-техническое сотрудничество
ВКЦ	Воздушно-космические цели

Евразийская воздушно-космическая оборона

ВШ	Военный штаб Европейского Союза
Высокий представитель по ИДПБ	Высокий представитель по иностранным делам и политике безопасности
Г-8	Группа восьми
ГА ООН	Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций
ГАЗ ГОЗ	Государственная автоматизированная система государственного оборонного заказа
ГВП РФ	Главная военная прокуратура РФ
ГВСУ	Главное военное следственное управление
ГЗЛА	Гиперзвуковые летательные аппараты
ГИС	геоинформационная система
ГК «Росатом»	Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом»
ГЛОНАСС	Глобальная навигационная спутниковая система
ГОЗ	Гособоронзаказ
ГОЗ	Государственный Обуховский завод (ОАО «Концерн «Алмаз-Антей»)
Госдеп США	Государственный департамент Соединённых Штатов Америки
ГОУ ГШ РФ	Главное оперативное управление Генштаба России
ГПБГ	гиперзвуковые планирующие боеголовки
ГПУ	грунтовые пусковые установки
ГЧ	головная часть
ГУРЛС	Главное управление по работе с личным составом МО РФ
ДВЗЯИ	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЗО	дочернее и зависимое общество
ДКК	Двусторонняя консультативная комиссия
ДМЗ	демитилиризованная зона
ДН	Движение неприсоединения

Сокращения, используемые в работе

ДНЯО	Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	Договор об обычных вооруженных силах в Европе
Договор о ЕС	Договор о Европейском Союзе от 7 февраля 1992 г:
Договор РСМД	Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности
Договор СНВ	Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений
ДП	Дополнительный протокол
ДПРОК	Договор о предотвращении размещения оружия в космосе
ДРЛОиУ	Самолеты дальнего радиолокационного обнаружения и управления
ДСНВ- 2010	Договор между Россией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений
ЕАГ	Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов (финансовых разведок)
ЕАС	Евразийский Союз
ЕАСТ	Европейская ассоциация свободной торговли
ЕврАзЭС	Евразийское экономическое сообщество
ЕПАП	Европейский поэтапный адаптивный подход (США) к ПРО
ЕПБО	Европейская политика в области безопасности и обороны (1997 г.)
ЕРГ ПВО	Единая региональная система ПВО (России и Белоруссии)
ЕРЛС	Единая радиолокационная система
ЕС	Европейский Союз (Евросоюз), Европейское сообщество
ЕС ЗРО (ПВО–ПРО)	Единая система зенитно-ракетного оружия
ЕСБ	Европейская стратегия безопасности
ЕСИМО	Единая государственная система информации об обстановке в Мировом океане
ЕСУ ТЗ	Единая система управления в тактическом звене (Россия)
ЕТР	Европейская территория России
ЕТТ	Единый таможенный тариф

Евразийская воздушно-космическая оборона

ЕЭИ	журнал «Евразийская экономическая интеграция»
ЕЭП	Единое экономическое пространство
ЕЭС	Европейское экономическое сообщество
ЖРД	жидкостный ракетный двигатель
ЗЕС	Западноевропейский союз
ЗПРМ	запрещение производства расщепляющихся материалов
ЗРВ	Зенитно-ракетные войска
ЗРС	Зенитно-ракетная система
ЗСОМУ	зона, свободная от оружия массового уничтожения и средств его доставки
ЗСЯО	Зона, свободная от ядерного оружия
ЗУР	Зенитная управляемая ракета
ИА	Истребительная авиация
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (РАН)
ИПМБ РАН	Институт проблем международной безопасности РАН
ИПМТ ДВО РАН	Институт проблем морских технологий Дальневосточного отделения РАН
ИППМ РАН	Институт проблем проектирования в микроэлектронике РАН
ИР	Информационная революция
ИРЧК	Индекс развития человеческого капитала
ИРЧП	Индекс развития человеческого потенциала
ИСК РАН	Институт Соединенных Штатов Америки и Канады РАН
К ПВО и ПРО	Командование противоздушной и противоракетной обороны
КА	космический аппарат
КБ	конструкторское бюро
КБТО	Конвенция о запрещении биологического и токсического оружия
КВ	кибервойна

Сокращения, используемые в работе

КВ	Космические войска
КВВП	(самолеты) короткого и вертикального взлета и посадки
КЗХО	Конвенция о запрещении химического оружия
КИК	командно-измерительный комплекс
КК	Космическое командование
КМД	Комитет по международным делам Государственной Думы ФС России
КМП	Корпус морской пехоты (США)
КМСЕ	Комитет министров Совета Европы
КНААПО	ОАО «Комсомольское-на-Амуре авиационное производственное объединение имени Ю. А. Гагарина»
КНИТУ им. А. Н. Туполева	Казанский национальный исследовательский технический университет им. А. Н. Туполева с 2009 ранее: КазГТУ
КПК	Кодекс поведения в космосе
КР	Конференция по разоружению
КРВБ	крылатая ракета воздушного базирования
КРВБ БД	крылатая ракета воздушного базирования большой дальности
КРК	космический ракетный комплекс
КРМБ	крылатая ракета морского базирования
КРМБ БД	крылатая ракета морского базирования большой дальности
КРНБ	крылатая ракета наземного базирования
КРНС	Космическая радионавигационная система
КРТ	компонент ракетного топлива
КСДЛ	Комитет старших должностных лиц
КСОР	Коллективные силы оперативного реагирования
КСП ПРО	Комплексы средств преодоления ПРО
КТРВ	«Корпорация «Тактическое ракетное вооружение»
КТС	Комиссия таможенного союза

Евразийская воздушно-космическая оборона

КЯР	Комиссия по ядерному регулированию США
ЛА	летательный аппарат
ЛАГ	Лига арабских государств
ЛКВБ	Лазерный комплекс воздушного базирования
ЛСО	Легкое и стрелковое оружие
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБР	Межконтинентальная баллистическая ракета
МБРР	Международный банк реконструкции и развития
МДБ	Меры укрепления доверия и безопасности
«Меридиан»	спутник (КА) связи двойного назначения
МИД	Министерство иностранных дел
Минобороны России	Министерство обороны Российской Федерации
Минэкономразви- тия России, (МЭР)	Министерство экономического развития Российской Федерации
МИОМ	Машины инженерного обеспечения и маскировки (для РВСН)
МКВЭС (ОДКБ)	Межгосударственная комиссия по военно-экономическому сотрудничеству (стран ОДКБ)
МО	международные отношения
МО РФ	Министерство обороны РФ
МСУО	многофункциональная система управления оружием
Мт	мегатонна
МУД	меры укрепления доверия
МЧС России	Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных действий
МШПИ	Московская школа политических исследований
НАМС	Национальная ассоциация машиностроителей России
НАН США	Национальная академия наук США

Сокращения, используемые в работе

НАПО	Новосибирское авиационное производственное объединение им. В. Чкалова
НАСА	Национальное управление по воздухоплаванию и исследованию космического пространства. NASA (National Aeronautics and Space Administration)
НАТО	Организация Североатлантического договора (North Atlantic Treaty Organization, NATO)
НАФТА	Североамериканское соглашение о зоне свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA)
НГШ	начальник Генерального Штаба (России)
НИЧК	Национальный индекс человеческого капитала
НЛО	неопознанный летающий объект
НЛЦ	низколетящие цели
НПО	научно-производственное объединение
НПО	неправительственная организация
НСЯО	нестратегическое ядерное оружие
НТСК	национальные технические средства контроля
ОАПЕК	Организация арабских стран–экспортеров нефти (наименование — Organization of Arab Petroleum Exporting Countries, OАPEC)
ОАЭ	Объединенные Арабские Эмираты: Абу-Даби, Аджман, Дубай, Рас эль-Хайма, Умм эль-Кайвайн, Фуджейра и Шарджа
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОБТ	основной боевой танк
ОВ	отравляющие вещества
ОВВС	Объединенные военно-воздушные силы
ОВД	Организация Варшавского договора
ОВПБ	Общая европейская внешняя политика и политика безопасности (1992 г.) (ЕС)
ОВС СНГ	Объединённые Вооружённые силы СНГ

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

ОГПМО РАН	Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН
ОДВЗЯИ	Организация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ОДВТ	Ограничиваемые Договором вооружения и техника
ОДК	Объединенная двигателестроительная корпорация
ОЗХО	Организация по запрещению химического оружия
ОИК	Организация Исламская конференция
ОМУ	оружие массового уничтожения
ОНС (МО США)	Оборонный научный совет министерства обороны США
ООН	Организация Объединенных Наций
ОООВ ВС	Общероссийская общественная организация ветеранов Вооруженных сил
ОС ПВО	Объединенная система ПВО (СНГ)
ОС ПВО–ПРО ОДКБ	Объединенная система ПВО–ПРО ОДКБ
ОС СНГ	Объединенная система (ВКО СНГ)
ОТРК	оперативно-тактический ракетный комплекс
ОЦУ	Объединенный центр управления
ОЧ	отделяющаяся часть
ОЭСР (OECD)	Международная организация экономического сотрудничества и развития (Organization for Economic Cooperation and Development)
ОЭСР/АЯЭ	Агентство по ядерной энергии Организации экономического сотрудничества и развития
ОЯТ	отработавшее ядерное топливо
ПА	палубная авиация
ПВО	противовоздушная оборона
ПГВКП	предотвращение гонки вооружений в космическом пространстве
ПЛ	подводная лодка
ПЛАРБ	атомная подводная лодка с баллистическими ракетами

Сокращения, используемые в работе

ПЛАРК	атомная подводная лодка — носитель крылатых ракет
ПЛО	противолодочная оборона
ПНО	промышленно-научное объединение
ПО	программное обеспечение
ППМ	противопехотная мина
ПРК	противоракетный комплекс
ПРМ НАТО	Программа НАТО «Партнерство ради мира»
ПРО	Противоракетная оборона
ПРО ТВД	противоракетная оборона театра военных действий
ПРОК	Договор по предотвращению размещения оружия в космосе
ПРООН	Программа развития Организации Объединенных Наций — организация при ООН по оказанию помощи странам-участницам в области развития
ПРО-ПВО ТВД	противоракетная и противовоздушная оборона театра военных действий
ПСС	противоспутниковая система
ПТРК	противотанковый ракетный комплекс
ПУ	пусковая установка
РАКА	Российское авиационно-космическое агентство
РБП	район боевого патрулирования
РГ СРН	Рабочая группа Совета Россия-НАТО
РГЧ	разделяющаяся головная часть
РГЧ ИН	разделяющаяся головная часть индивидуального наведения
РД	ракетный двигатель
РДР	разоружение, демобилизация и реинтеграция
РЗУ	Российские загранучреждения
РЗЭ	редкоземельные элементы
РКК «Энергия»	Ракетно-космическая корпорация «Энергия»

Евразийская воздушно-космическая оборона

РКО	Ракетно-космическая оборона
РКТ	ракетно-космическая техника
РЛС	радиолокационная станция
РН	ракета-носитель
РП	район падения
РПК (СН)	ракетный подводный крейсер (стратегического назначения)
РПП	ракета класса «поверхность–поверхность»
РСД	ракеты средней дальности
РСМД	Российский совет по международным делам
РЭБ	Система радиоэлектронной борьбы
СБ	Совет Безопасности
СБЕР	Совет Баренцева/Евроарктического региона
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СБСЕ	Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе
СБЦ	сложная баллистическая цель
СВА	Северо-Восточная Азия
СВАФ	Северо-Восточный форум
СВК	северо-восток Китая
СВКН	Средства воздушно-космического нападения
СВН	Средства воздушного нападения
СГБМ	Совет государств Балтийского моря
СГС	Совет по гуманитарному сотрудничеству (СНГ)
СЕ	Совет Европы
СЕА	Срединная Евразия
СЕАП	Совет Евроатлантического партнерства
СК РФ	Следственный комитет РФ

Сокращения, используемые в работе

СККП	Системы контроля космического пространства
СМО	Совет министров обороны
СМП	Северный морской путь
СНВ	Стратегические наступательные вооружения
СНС	Стратегические наступательные силы
СОИ	Стратегическая оборонная инициатива
СПД	стационарный плазменный двигатель
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СПЧ	Совет по правам человека
СРН	Совет Россия — НАТО
«Стерх»	космический спутник (ФКП России)
СУА	система управления антенной
СУУ	совместное уменьшение угрозы (программа)
СЦВ	сетецентрическая война
США	Соединенные Штаты Америки
СЭВ	Совет Экономической Взаимопомощи
СЯС	Стратегические ядерные силы
ТА	тактическая авиация
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТВД	театр военных действий
ТМИ	телеметрическая информация
ТПР	третий позиционный район
«Триумф»	зенитная ракетная система средней и большой дальности С-400
ТТД (В и ВТ)	тактико-технические данные вооружений и военной техники
ТТХ	тактико-технические характеристики
ТУ	технические условия

Евразийская воздушно-космическая оборона

ТХААД	зональный комплекс ПРО (ТХААД — Theatre High Altitude Area Defense)
ТЯО	тактическое ядерное оружие
УА	ударная армия
УББ	управляемые боевые блоки
УКВ	ультракороткие волны
УОГ	ударно-оборонительная группировка
УПН (ООН)	Управление по наркотикам и преступности ООН
ФАР	фазированная антенная решетка
Ц/А	цифро-аналоговое преобразование
ЦА	Центральная Азия
ЦАМТО	Центр анализа мировой торговли оружием
ЦВА	Центрально-Восточная Азия
ЦВЕ	Центральная и Восточная Европа
ЦВТ	Центр высоких технологий
ЦОД	Центр обработки данных
ЧП	человеческий потенциал
ЧС	чрезвычайная ситуация
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества — региональная международная организация, основанная в 2001 году лидерами Китая, России, Казахстана, Таджикистана, Киргизии и Узбекистана
ЭПР	эффективная площадь рассеивания (РЛС)
ЮСАИД	Агентство по международному развитию США
ЯБ	ядерная безопасность
ЯБЗ	ядерные боезаряды
ЯБХО	ядерное, биологическое и химическое оружие
ЯГ	ядерное государство
ЯМ	ядерный материал

Сокращения, используемые в работе

ЯМР	ядерный магнитный резонанс
ЯО	ядерное оружие
ЯР	ядерный реактор
ЯТЦ	ядерный топливный цикл
ЯЭУ	ядерная энергетическая установка
ABNL	Admiral Benelux — адмирал стран Бенелюкс (главком объединенных сил ВМФ Нидерландов и Бельгии)
ACDA	Американское агентство по контролю над вооружениями (Arms Control and Disarmament Agency)
ACP	African, Caribbean and Pacific — страны Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, сокр. страны АКТ
ACT	Allied Command Transformation — Командование трансформации ОВС НАТО
AFV	Armoured Fighting Vehicle — Боевая бронированная машина
AOSIS (Alliance of Small Island States)	Альянс малых островных государств. АОСИС, подверженный угрозе повышения уровня моря
APEC	Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество, АТЭС (Asia-Pacific Economic Cooperation)
ASD (HA)	помощник министра обороны по здравоохранению (Assistant Secretary of Defense for Health Affairs)
ASD (LA)	юридический помощник министра обороны (Assistant Secretary of Defense for Legislative Affairs)
ASD (SO/LIC)	помощник министра обороны по специальным операциям и конфликтам низкой интенсивности (Assistant Secretary of Defense for Special Operations and Low Intensity Conflict)
ASEAN PTA	Зона преференциальной торговли АСЕАН (ASEAN Preferential Trade Agreement)
ATSC	Малайзийская корпорация космических технологий (Aerospace technology system corporation)
AU	African Union — Африканский Союз

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

BG	Battle group — боевая группа
BMDS	Система ПРО — против баллистических ракет (Ballistic Missile Defense System)
BRICS	Brazil, Russia, India, China and South Africa — БРИКС
BTA	военно-транспортная авиация
CAR	Central African Republic — Центрально Африканская республика
CBRN	Chemical, Biological, Radiological and Nuclear — Химическое, биологическое, радиологическое и ядерное оружие
CC	Киберкомандование (Cyber Command)
CCC	Capabilities Commitment Conference — Конференция по объединению потенциалов
CD, MD и DVD	оптические носители информации
CDM	Capability Development Mechanism — Механизм развития потенциалов
CDP	Capability Development Plan — План развития потенциалов
CDRUSSCOM	командир, командование специальными операциями США (Commander, United States Special Operation Command)
CENTCOM	Центральное командование (региональное командование США на Ближнем и Среднем Востоке, а также в Северной Африке)
CFSP	Common Foreign and Security Policy — Общая внешняя политика и политика безопасности
CHODs	Chiefs of Defence — главнокомандующий
CI/KR	критически важная инфраструктура и ключевые ресурсы (Critical Infrastructure and/or key Resources)
CIA	ЦРУ — Центральное разведывательное управление США (Central Intelligence Agency)
CIDA	Канадское агентство помощи развитию
CMPD	Crisis Management and Planning Directorate — Управление по планированию и реагированию на угрозы

Сокращения, используемые в работе

CPCC	Civilian Planning and Conduct Capacity — Гражданские Силы кризисного планирования и реагирования
CS	информационная безопасность или кибербезопасность (cyber security)
CSBMs	Confidence and Security-Building Measures — меры по укреплению доверия и безопасности
CSCI	Центр стратегических и международных исследований (США)
CSDP	Common Security and Defense Policy — Политика общей безопасности и обороны
DATTs	военные атташе (Defense attaches)
DCI	критическая инфраструктура безопасности (Defense Critical Infrastructure)
DCIP	Программа развития критической инфраструктуры безопасности (Defense Critical Infrastructure Program)
DDR	Disarmament, Demobilization and Reintegration — разоружение, демобилизация и реинтеграция
DFID	Департамент международного сотрудничества Великобритании
DHS	Министерство внутренней безопасности США (Department of Homeland Security)
DIA	Агентство военной разведки (Defense Intelligence Agency)
DIB	промышленно-оборонная база (Defense Industrial Base)
DISLA	Управляющий промышленным сектором обороны (Defense Infrastructure Sector Lead Agent)
DoD CIO	Директор по информационным технологиям Министерства обороны США (DoD Chief Information Officer)
DoDD	директива Министерства обороны США (DoD Directive)
DoDI	Инструкция министерства обороны (DoD Instruction)
DRC	Democratic Republic of Congo — Демократическая республика Конго
DRDO	Организация оборонных исследований и разработок (Индия)
DSCA	Агентство по оборонному сотрудничеству и безопасности МО США (Defense Security Cooperation Agency)

Евразийская воздушно-космическая оборона

EAS	External Action Service — Служба внешнеполитической деятельности
EATC	European Air Transport Command — Европейское командование военно-транспортной авиации
EATF	European Air Transport Fleet — Европейский транспортный военно-воздушный флот
ECAP	European Capability Action Plan — Европейский план действий
EDA	European Defence Agency — Европейское оборонное агентство
EDC	European Defence Community — Европейское сообщество безопасности
EEC	European Economic Community — Европейское экономическое сообщество
EMP	Euro-Mediterranean Partnership — Евро-средиземноморское партнерство
EMV	Заатмосферные средства перехвата (Exo-atmospheric Kill Vehicle)
ENP	European Neighbourhood Policy — Европейская политика соседства
EPC	European Political Cooperation — Европейское политическое сотрудничество
ESDP	European Security and Defense Policy — Европейская политика безопасности и обороны
ESS	European Security Strategy — Европейская стратегия безопасности
EU	European Union — Европейский Союз
EUBAM	European Union Border Assistance Mission — Миссия ЕС по приграничной помощи
EUFOR	European Union Force — Силы быстрого реагирования ЕС
EUJUST	European Union Justice Mission — Миссия ЕС по восстановлению справедливости
EUMC	European Union Military Committee — Военный комитет ЕС
EUMM	European Union Monitoring Mission — Наблюдательная миссия ЕС
EUMS	European Union Military Staff — военный контингент ЕС
EUPAT	European Union Police Advisory team — Команда полицейских консультантов ЕС

Сокращения, используемые в работе

EUPM	European Union Police Mission — Полицейская миссия ЕС
EUPOL	European Union Police Mission — Полицейская миссия ЕС
EUTM	European Union Training Mission — Обучающая миссия ЕС
EUNAVFOR	European Union Naval Force — Военно-морские силы ЕС
FARDC	Forces Armees de la Republique Democratique du Congo — Вооруженные силы демократической республики Конго
FGA	Форт Грили, Аляска
FHQ	Force Headquarters — Штаб квартиры вооруженных сил
FMS	Программа военной помощи иностранным государствам США (Foreign Military Sales)
FTH	Future Transport Helicopter — Тяжелый транспортный вертолет
FTUAS	Future Tactical Unmanned Aerial System — проект по созданию тактической беспилотной воздушной системы
FYDP	Оборонная программа на будущие годы (Future Years Defense Program)
FYROM	Former Yugoslav Republic of Macedonia — бывшая югославская республика Македония
G-20 (G20)	Группа двадцати, Большая двадцатка
G7	Большая семерка
G-77, Group of 77	Группа 77 (и Китай) является основной переговорной группой развивающихся стран, представляющей более 120 сторон на многих международных переговорах
G-8	Группа восьми, Большая восьмерка
GC DoD	Совет по общим вопросам министерства обороны США (General Counsel of the Department of Defense)
GCC	Gulf Cooperation Council — Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива
GBI	Противоракеты шахтного базирования (Ground Based Interceptor)
GDP Gross Domestic Product	Валовый внутренний продукт (ВВП)

Евразийская воздушно-космическая оборона

GIG	Глобальная информационная сетка (Global Information Grid)
GMD	Система ПРО наземного базирования для перехвата ракет над национальной территорией (Ground-based Midcourse Defense Ground Missile Defense)
GOOS	Глобальная система наблюдений за океаном (Global Ocean Observing System)
HG	Headline Goal
HHC	Helsinki Headline Goal Catalogue — Перечень мероприятий по реализации основополагающей цели ЕС
HTF	Headline Goal Task Force — Рабочая группа по реализации основополагающей цели ЕС
IA	обеспечение безопасной информации (Information Assurance)
IAMD	Объединенная система ПВО и ПРО (Integrated Air and Missile Defense)
IED	Improvised Explosive Device — самодельные взрывные устройства
IISS	Лондонский международный институт стратегических исследований (International Institute for Strategic Studies)
IMS	International Military Staff (of NATO) — Международный военный контингент НАТО
ISI	Межведомственная разведка Пакистана
ISAF	International Security Assistance Force — Международные силы содействия безопасности
ISTAR	Intelligence, Surveillance, Target Acquisition and Reconnaissance — разведка, наблюдение, установление целей и рекогносцировка
JFCOM	Joint Forces Command — Объединенное командование
KFOR	Kosovo Force — Силы для Косово (международные силы под руководством НАТО, ответственные за обеспечение стабильности в Косово)
MAD	Взаимное гарантированное уничтожение (Mutual Assured Destruction)
MANPAD	Counter Man-Portable Air Defence System — Система защиты против переносных зенитно-ракетных комплексов
MAWA	Military Airworthiness Authorities — орган контроля летной годности BBC

Сокращения, используемые в работе

MDA	Агентство противоракетной обороны (Missile Defense Agency) США
MIADS	Интегрированная Мьянманская система противовоздушной обороны (Myanmar Integrated Air Defense System)
MIT	Массачусетский технологический институт (Massachusetts Institute of Technology)
MONUC	Mission de l'Organisation des Nations Unies en Republique democratique du Congo
MONUSCO	Mission de l'Organisation des Nations Unies pour la stabilisation en Republique democratique du Congo — Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Демократической Республике Конго
NAC	North Atlantic Council — Совет НАТО
NATO	North Atlantic Treaty Organization — НАТО
NBIC	Перспективные развивающиеся технологии (нано-, био-, инфо-, когно-)
NCW	Концепция сетецентрической войны (Network Centric Warfare)
NEC	Network-Enabled Capability — Сетевой потенциал
NGB	Бюро национальной гвардии США (National Guard Bureau)
NISP	Государственная программа промышленной безопасности (National Industrial Security Program)
NRF	NATO Response Force — Силы реагирования НАТО
NSS	National Security Strategy — Национальная стратегия безопасности
NTM	миссия НАТО по подготовке (полицейских) (NATO Training Mission)
NZAID	Агентство международной помощи и развития Новой Зеландии
OAK	Объединённая авиастроительная корпорация
OCCAR	Organisation Conjointe de Cooperation en Matiere d'Armement — Организация военного сотрудничества
OFAC	Управление министерства финансов США по контролю за иностранными активами
OHQ	Operational Headquarters — оперативный штаб

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

OSCE	Organization for Security and Co-operation in Europe — ОБСЕ
OUUSD (AT&L.)	Замминистра обороны по вопросам закупок, технологии и логистики (Office of the Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics)
PAA	Фазовый адаптивный подход развития региональных систем ПРО (Phased Adaptive Approach)
Patriot PAC-3	зенитный ракетный комплекс, обеспечивающий объектовую защиту на высотах до 20 км
PMG	Politico-Military Group — военно-политическая группа
PMS	Participating Member State (s) — государство участник
PESCO	Permanent Structured Cooperation — постоянное структурированное сотрудничество
PFP	Partnership for Peace — партнерство ради мира
PSC	Political and Security Committee — комитет по политике и безопасности ЕС
PSCD	Permanent Structured Cooperation in Defence — постоянное структурированное сотрудничество по безопасности
QMV	Qualified Majority Voting — голосования с квалифицированным большинством
R2P	Responsibility to Protect — Ответственность по защите
R&T	Research and Technology — Исследования и технологии
SDO/DATT	старший военный атташе (Senior Defense Official/Defense Attache)
SDR	Software-Defined Radio — программно-определяемая радиостанция
SFOR	Stabilization Force — силы НАТО по поддержанию мира в Боснии и Герцеговине
SHAPE	Supreme Headquarters Allied Powers Europe — Главные штаб-квартиры объединенных сил Европы
SM-3	ракеты-перехватчики США (Standard Missile)
SSR	Security Sector Reform — Реформа сектора безопасности
STANAG	Standardization Agreement — Соглашение по стандартизации

Сокращения, используемые в работе

SWOT-матрица	Матрица для проведения SWOT-анализа: сильных и слабых сторон государства/корпорации
TAPs (Technology Assessment Panels)	экспертные группы технологических оценок
TEU	Treaty on European Union — Договор о ЕС
THAAD	Система ПРО для перехвата БР на высотах до 150 км и дальности до 250 км на ограниченных территориях (Theatre High Altitude Area Defense)
TFEU	Treaty on the Functioning of the European Union — Договор о функционировании ЕС
TSFDO	Управление технологической безопасности и передачи информации иностранным государствам (Technology Security and Foreign Disclosure Office)
UEWR	Модернизация радара раннего предупреждения в Туле (The Thule Upgraded Early Warning Radar)
UN	United Nations — Организация объединенных наций
UNIFIL	United Nations Interim Force in Lebanon — Временный контингент сил ООН в Ливане
UNSC	United Nations Security Council — Совет Безопасности ООН
USD (AT&L)	замминистра обороны по вопросам закупок, технологии и логистики (Under Secretary of Defense for Acquisition, Technology, and Logistics)
USD (C) / CFO	замминистра обороны (инспектор) / главный финансовый инспектор министерства обороны (Under Secretary of Defense (Comptroller) / Chief Financial Officer, Department of Defense)
USD (I)	замминистра обороны по вопросам разведки (Under Secretary of Defense for Intelligence)
USD (P&R)	замминистра обороны по кадрам и боевой готовности (Under Secretary of Defense for Personnel and Readiness)
USD (P)	замминистра обороны по военно-политическим вопросам (Under Secretary of Defense for Policy)
USG	Правительство США (US Government)

Евразийская воздушно-космическая оборона

US SC	Стратегическое командование США (U.S. Strategic Command), объединяет стратегические силы, силы ПРО, космические войска и киберкомандование)
USUI	Инициативный комитет США по проектам совместного осуществления (United States Initiative on Joint Implementation)
WEU	Western European Union — Западноевропейский союз
WMD	Weapons of mass destruction — Оружие массового поражения

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

ЕВРАЗИЙСКАЯ ВОЗДУШНО-КОСМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Редактор *Т. Ф. Тищенко*
Компьютерная верстка *А. С. Туманова*

Выражаю глубокую признательность сотрудникам Центра военно-политических исследований МГИМО(У): Дегтереву Д. А., Кабернику В. В., Салюкову Д. О., Родионову О. Е.; экспертам ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей», а также сотрудникам издательства МГИМО(У): Ручкину Г. Р., Тищенко Т. Ф., Абдрахимовой Н. Ф., Тумановой А. С.

Подписано в печать 02.04.13.
Формат 84x108М/16. Усл. печ. л. 30,5. Уч.-изд. л. 16.
Тираж 50 экз. Заказ № 188

Издательство «МГИМО–Университет»
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
и множительной техники МГИМО(У) МИД России
119454, Москва, пр. Вернадского, 76